

Последняя версия, октябрь 2016 г.

В Северной Пальмире и на Охте

По возвращении из-за границы в 1893-м семейная чета Классонов стала через некоторое время жить на Охте под Петербургом, когда Роберт поступил на штатную должность начальника мастерской в Эфирном отделении Охтенских пороховых заводов с месячным окладом в 97 руб. 33½ коп. Понятно, что денежное содержание служащих сего казенного предприятия определялось в Главном артиллерийском управлении, казенном же заведении. Но насколько же эта градация была замшелой и убогой, если в ней существовали не только копейки, но даже и ½ коп.!

Зато в 1902 году рачительные артиллеристы не поскупились на издание роскошного исторического очерка «Столетие Военного Министерства, 1802-1902. Главное артиллерийское управление». Понятно, что это пришлось сделать в следующих чиновничьих рамках:

В 1902 году в России отмечался столетний юбилей образования в России министерств. Император Николай II перед празднованием юбилея отдал распоряжение о написании книг, посвященных истории деятельности министерств и ведомств за 100 лет. Военному министру генерал-лейтенанту Д.А. Скалону было отдано распоряжение составить историю военного министерства.

Для предварительной редакторской работы были привлечены сотрудники архива Генерального штаба, военные историки, делопроизводители. Издание начинается с краткого очерка о деятельности вооруженных сил в России до создания министерства, а завершается материалами начала XX века. Этот многотомный труд начал выходить в юбилейный год, в 1902 году. Издание вышло в 13 томах, имеет систематический указатель, вышедший отдельным томом.

Правда, том VI, где и была описана история Главного артиллерийского управления, обрывался отделом V «Царствование Императора Александра I». Поэтому «современно-историческая деятельность» сего почтенного чиновничьего образования так и осталась нераскрытой. В частности, не удалось узнать из какого века – XVII или XVIII протянулся замшелый оклад в 97 руб. 33½ коп. (исходя из годового жалования в 1168 руб.?).

Хотя в указанном томе и приводилась таблица «Штат (1754 г.) канцелярии Главной артиллерии и фортификации и ее конторы, кто имеет в оных присутствовать и почему получать жалованья в год», однако она касалась только бюрократической надстройки. В оной кстати годовые оклады были «круглыми»: от 840 руб. для военного советника до, например, 18-24 руб. для писарей (лишь у писаря второй статьи месячное жалование оказывались не совсем «круглым» – 1 руб. 50 коп.).

Роберт формально оставался в должности начальника мастерской в Эфирном отделении до своего увольнения в 1897-м, по существу же через несколько месяцев стал работать помощником электротехника, именуясь так в постановлениях, которые записывались в журнал хозяйственного комитета завода. А на должность электротехника годом ранее был назначен Владимир Николаевич Чиколев. Он еще с 1876 года, будучи специалистом Главного артиллерийского управления, электрифицировал и механизировал небезопасные пороховые производства на Охте.

«Заслуженный электротехник» (правда, окончивший гуманитарный Московский университет) Владимир Николаевич станет очередным учителем молодого Роберта, после В. Линдлея во Франкфурте. В 1879-м при участии В.Н. Чиколева был организован VI, электротехнический отдел при Императорском Русском техническом обществе (ИРТО), и Роберт станет его активным членом.

Бенжамен Патерсен. Вид Смольного монастыря со стороны Охты
1800 г., Эрмитаж

А в 1880 году, после проведения в Петербурге первой Всероссийской электротехнической выставки, где VI отделу ИРТО удалось заработать неплохие деньги (1 200 руб.), было организовано издание журнала «Электричество», и В.Н. Чиколев стал его первым редактором. А Р.Э. Классон, окончив Технологический институт и поработав за границей, – опять же активным автором «Электричества».

Здесь стоит на некоторое время отвлечься от профессиональной карьеры Роберта, чтобы показать, в какую глухую провинцию под Петербургом завез он свою семью, после вполне европейского Франкфурта-на-Майне:

Есть у Петербурга окраина, почти незнакомая петербуржцам, называемая Охтой. Есть Большая и Малая Охта, но что это за Охты и какое между ними различие – никому почти неизвестно. Нам лучше известны, если не de visu [(воочию)], то по описаниям и романам глухие кварталы Парижа, Лондона или Рима, чем окраины и пригороды Петербурга. Кто из нас слышал, например, о Панфиловской улице на Большой Охте или Весенней улице на Малой Охте?

Несмотря на свою близость к столице охтенский пригород ничем не напоминает столицы. Это совсем особенный город, с своим особенным населением, особыми нравами и до последнего времени даже особым городским управлением. На улицах Охты растет трава, пасутся коровы и свободно разгуливают поросята вместе с домашней птицей. Площади Охты в дождливое время образуют пруды, в которых полощатся гуси и утки.

Газеты на Охту приходят только на следующий день, как в Москву, и читаются местной интеллигенцией, состоящей из двенадцати человек: соборного протопопа, трех учителей местных школ, четырех докторов и четырех отставных титулярных советников. Театра на Охте не существует, публичных лекций не читается, ученых обществ не собирается и о библиотеках что-то не слышно. О приезде в Петербург сотника Пешкова узнали только потому, что один из отставных титулярных советников проболтался [(прочитав об этом в газетах)]. История Охты покрыта туманом; достоверно известно лишь тот исторический факт, что охтенки торгуют молоком. <...>*

*Петербуржец
«Новое время», 21 мая 1890 г.*

Далее в фельетоне Петербуржца «Маленькая хроника» следовал сюжет о планах строительства через Неву моста, долженствующего связать Охту с Северной Пальмирой (в конце XIX века публике приходилось пользоваться лодочной переправой, а зимой – ходить пешком?). Поскольку еще Высочайше утвержденным 5 июня 1884 г. мнением Государственного Совета постановлено было признать охтенский пригород подлежащим присоединению в хозяйственном отношении к городу Петербургу, как раз через сооружение одного моста. Управа предлагала перекинуть плавучий мост, на деревянных плашкоутах, наподобие тогдашних Дворцового и Троицкого мостов (sic!). Он обошелся бы, в зависимости от того или иного направления прокладки, от 290 тыс. до 380 тыс. рублей. Имелись проекты и постоянного моста, инженеров Белелюбского и Экарева, на каменных опорах и с железным верхним строением, за 1,9 и 2,5 млн рублей соответственно.

Через год проект не продвинулся ни на шаг, как это явствует из отчета о заседании Петербургской думы 30 мая 1891 г.:

Что касается вопроса о соединении города с Охтою, то после небольших прений, при которых большинство гласных находило вопрос недостаточно назревшим, собрание постановило: вопрос о постройке моста на Охту отложить рассмотрением до окончательного расчета Охты с городом по уплате следуемых ему денег (город ежегодно расходует на Охту до 70 000 руб.), по крайней мере в тех размерах, в которых признает это Охта.

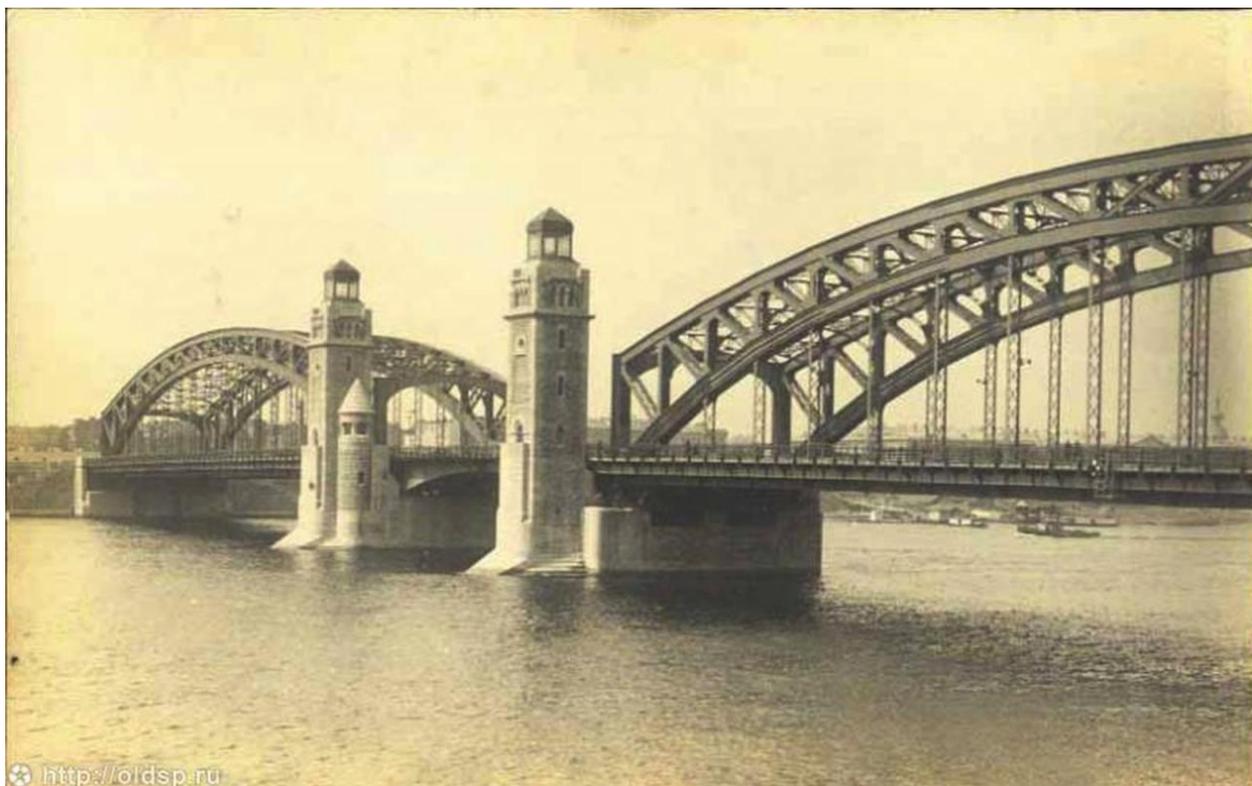
«Новое время», 1 июня 1890 г.

Следом и Петербуржец откликнулся такой репликой в своей «Маленькой хронике»:

«Ох ты, Охта», – так будто бы начал вчера свою речь [городской голова] В.И. Лихачев и закончил ее, начатую плохим каламбуром, неосновательным уверением, что вопрос о соединении города с Охтой постоянным мостом все еще не созрел. Не Дума ли, скорее всего, не созрела?

* 19 июня 1890 г. «Отставной [кавалерист]» описал в «Новом времени» технологию передвижения этого ставшего известным в России путешественника:

19-го мая сотник Пешков окончил свое продолжительное путешествие. Пройденное им громадное пространство от Благовещенска до Петербурга произвело на общество понятное в подобном случае, весьма сильное впечатление. <...> На самом деле знаменитый [конь] «Серый» представляет из себя обыкновенного заурядного крепыша местной сибирской верховой породы. <...> «Серый» <...> легко делал ежедневно от 45 до 50 верст, со скоростью восьми верст в час, и таким образом работал приблизительно около шести часов в сутки, причем эта работа значительно облегчалась как заботливым и умелым уходом опытного ездока, каков сотник Пешков, так равно и чрезвычайно малым весом всадника, который вместе с седлом и всем вьюком весил не более 4 пуд. 30 фунтов, в то время как средняя тяжесть живого и мертвого груза, несомого регулярной кавалерийской лошадей, колеблется между 7 пуд. 15 фунт. и 7 пуд. 30 фунтами.

*Большой Охтенский мост, возведенный в 1908-11 гг.,
(проект инж. Г.Г. Кривошеина и арх. В.П. Апышкова)*

Теперешний охтенский перевоз дает городу 13 000 руб. ежегодно: с постройкой моста эти 13 000 исчезнут; кроме того, обыватели Охты до сих пор не платят городу долга в 70 000 руб.: наказать за это обывателей Охты; далее: какой строить мост и где его строить? Гласный Бородулин усомнился даже в пользе самой Охты, не говоря уже о пользе на Охту моста. «Какая польза от Охты? – спросил госп. Бородулин, – что нам Охта дает? Разве свальные места там устроить?»... И вот после таких-то речей гласные снова махнули рукой на древний пригород Петербурга, включенный уже в городскую черту и который ждет только постоянного сообщения с городом, чтобы развиться, превратившись в населенную и богатую часть Петербурга. <...>

Через 5 лет все осталось по-старому:

Во вчерашнем заседании Думы [27 сентября? – МК] обсуждался вопрос о сумме, подлежащей возмещению с охтенского пригородного общества за расходы, производимые городом на Охту.

Двенадцать лет, по словам «Биржевых Ведомостей», пребывает этот вопрос открытым, столько же времени думает над ним Дума, шесть раз возбуждалось соответствующее ходатайство перед правительством, и до сих пор ни в Думе, ни в Министерстве внутренних дел не дошло до удовлетворительного его разрешения.

Одно только ясно: Петербург тратится ежегодно на благоустройство Охты, а последняя и не думает разделять вместе с ним тяжесть городских налогов и вносить свою лепту в городскую кассу. Долг Охты городу достиг в настоящее время почтенной суммы в 800 000 рублей, по исчислению финансовой комиссии [Управы], и если охтенский вопрос и впредь останется в том же положении, то через несколько лет долг Охты превысит, пожалуй, самую ее стоимость.

Дума постановила: 1) одобрить соображения финансовой комиссии, 2) повременить [с] возбуждением всеподданнейшего ходатайства об окончательном разрешении расчетов города с Охтою, и 3) поручить Управе представить в трехмесячный срок доклад о постройке моста на Охту.

Последний вопрос (о мосте), как видно было из прений, представляется вполне созревшим в сознании гласных и принципиально почти решенным. Надо думать поэтому, что в ближайшие дни совершенно будет немало купчих крепостей на приобретение охтенской земли, которая получит с постройкою нового моста и с приобретением нового названия – «городской» и новую цену.

«С.-Петербургские ведомости», 29 сентября 1895 г.

В 1894-96 годах в петербургских газетах появлялись такие сообщения, которые выглядели совершенно убогими для Северной Пальмиры и ее пригорода Охта:

С увеличением числа заводов в селении Пороховые число прибывших сюда рабочих достигло до 5 000 человек, так что с местным населением на Пороховых оказалось всего до десяти тысяч жителей. <...> Существующих домов стало не хватать, множество рабочих принуждены были жить от Пороховых в двух-трех верстах в окрестных деревнях. Отведенных свободных казенных зданий так же не хватало. Но что было особенно неприятным, так это отсутствие каких бы то ни было бань. Администрация завода, видя, что не являются частные предприниматели, на днях открыла казенные бани. Открытие бань здесь было делом нелегким. Из реки Охты брать воду не только в пищу, но даже и для бань было опасно, т.к. по ней идет испорченная вода с пироксилинового завода. Администрации завода пришлось для устройства бань приспособить пустое старое каменное здание у берега реки, устроить артезианский колодезь и постановить машину. Устройство бань [в феврале 1894 года] является большим благодеянием для 10-тысячного населения Пороховских.

На Охтенский перевоз от Смольного монастыря вполне справедливо сетуют те, кому приходится здесь переезжать на яликах. Правилами постановлено, чтобы на каждый ялик, без больших поклаж, садилось не более пяти человек. Правило это на здешнем перевозе забыто и зачастую, кроме пяти человек, в ялик нагружаются такие тяжести, что борта ялика чуть возвышаются над водой. <...> Вообще, за порядки на перевозе «Смольный – Охта», особенно с охтенской стороны, нет никакого надзора [(жалоба за август 1894 года)]

Теперь, когда [в начале ноября 1895 года] уже в пятом часу становится темно и когда чуть ли не ежедневно дующий западный ветер причиняет на Неве довольно значительное волнение, публика предпочитает совершать круговое путешествие чрез Выборгскую сторону, чем переезжать чрез Неву от Охты к Смольному и обратно на яликах. Отчего бы на это время – до ледохода и в период его – не отправлять от Смольного к Охте пароходы, как это практикуется между Калашниковской набережной и перевозом у церкви Св. Духа? Это было бы удобно и для публики, и для пароходовладельцев небезвыгодно.

Ириновская железная дорога, вокзал которой расположен в версте от берега Невы, для удобства пассажиров [с начала февраля 1896 года] стала отправлять от Смольного монастыря [по льду через Неву] до вокзала на Панфиловской улице дилижансы с платою по пяти копеек. Это нововведение сильно испортило дела перевозчиков на конках.

Вчера, 10-го февраля, в городской Управе под руководством Н.А. Рыжова были произведены торги на отдачу в аренду яличного и пароходного перевоза на Охту [в летнее время]. Торговаться явились: Капитонов, Тихомиров и нынешний арендатор Щитов, который предложил наивысшую плату – 11 500 руб. [за сезон].

<...> Дом с водопроводом – это такая новость на Охте, что о нем только теперь и говорят. Один из домовладельцев Панфиловой улицы решил прогрессировать и в своем доме устроил водопровод. Охтяне, как на диковинку, ходят к нему любоваться водопроводом.

Охтянин [(письмо в газету в середине марта 1896 года)]

Езда по зимним [ледовым] дорогам от Гагаринской набережной к клинике Виллие и к часовне Христа Спасителя, от городских богаделен на Большую Охту, от Смольного монастыря на Большую Охту и от Кавалергардской к Тимофеевской ул., вследствие неисправного состояния и непрочного льда, закрыта [с 15 марта].

При прекращении перевоза по льду через Неву из Охты не каждый извозчик брался отвезти господ в город по объездному маршруту, в середине марта один из них за доставку на Литейный проспект, как сообщал «Охтянин» в «Петербургском листке», просил 3 рублика!

Правда, чуть позже сообщалось, что по дороге от Смольного к Охте лед еще вполне твердый, и здесь проход по мосткам, вероятно, продержится еще до Пасхи (24 марта). Но этот вариант годился не для господ, а лишь для простых людей.

Охтяне многого ждут от вновь избранного старшины [Н.А. Леонтьева], и Охта действительно нуждается во многом. Несмотря на то, что по количеству населения Охта не уступает многим губернским городам, здесь нет ни одного садика, где могла бы подышать свежим воздухом и порезвиться детвора, хотя для устройства сада или сквера есть много подходящих мест. Например, у церкви Св. Духа забором обнесена довольно большая площадь, которая была бы вполне пригодна для устройства сквера. Однако прежний состав Управы, вместо того, чтобы устроить здесь сад, несмотря на просьбы охтян, предпочитал сдавать эту площадь за несколько десятков рублей какому-то коровнику. Надо думать, что новая Управа позаботится о детворе.

Охтянин [(письмо в газету в середине марта 1896 года)]

1 апреля лед на реке Большой Неве в пределах столицы дал движение, а затем левая сторона реки очистилась. Дворцовый [плашкоутный] мост разведен [(иначе возникла бы угроза его сноса ледоходом)].

Охтенская управа сделала еще один шаг вперед в деле улучшения перевоза через реку Неву: с 7-го апреля от Панфиловой ул. к Смольному началось пароходное сообщение. Теперь очередь за городской управой и 2-м Обществом конно-железной дороги: охтяне сказали бы большое спасибо, если бы конечный пункт Бассейной линии был перенесен от богадельни к набережной реки Невы, где, кстати, местность ровнее, чем у богадельни.

На днях от Смольного к охтенскому берегу, у Панфиловой улицы, открыто новое пароходное сообщение. Ранее здесь существовал перевоз только на яликах, но очень многие, в виду усиленного движения здесь буксирных пароходов [(которые могли запросто наскочить на идущие поперечным курсом ялики)], переезжать на яликах не решались. Сообщение на пароходах предполагается производить и ночью. Число яликов благодаря пароходам сократилось вдвое, но и для этого количества работы нет.

Сегодня [(22 апреля)], с 12 час. дня, на Неве начался усиленный ледоход; ладожский лед сплошной массой покрыл всю поверхность реки и значительно затруднил пароходное сообщение на Острова.

Примерно то же самое происходило осенью, при ледоставе: на целый месяц прерывалось сообщение Охты с городом. В то же время оно могло прерываться и зимой: например, в январе 1896 года уровень воды на Неве дважды повышался из-за ветра, дувшего с Финского залива, и взламывал лед. Соответственно ледовые дороги опять-таки приходилось перекрывать...

А вот что происходило по соседству с Панфиловой улицей следующей зимой:

Дорога через Неву от Смольного монастыря к Охте закрыта вчера, 4-го декабря, вследствие непрочности льда у охтенского берега. Лед, даже при незначительном подъеме воды, дает трещины, вследствие чего дорога в этом месте становится опасной для пешеходов, и в особенности же он ненадежен для проезда. Вчера здесь едва не утонула запряжка ломового извозчика, лед подломился под телегою, лошадь упала в воду и ее с трудом лишь удалось вытащить. После этого случая и последовало распоряжение о закрытии движения по этой дороге.

«Новое время», 6 декабря 1896 г.

Температура воздуха в те дни составляла около 5 градусов мороза.

Через месяц переправиться через Неву тоже было невозможно:

Несмотря на бывшие в начале [рождественских] праздников довольно значительные морозы, большинство переездов чрез Неву по льду до сих пор остаются закрытыми. Сильно препятствуют открытию их необыкновенно часто происходящие на Неве приливы и отливы, причем у самых берегов вода часто выступает поверх льда, образуя в нем большие щели.

«Петербургский листок», 1 января 1897 г.

И еще сюжет про отрезанность Охты от Северной Пальмиры и про последствия сего обстоятельства:

«В неволе» (Из письма в редакцию)

Еще день, два и Большая и Малая Охты останутся отрезанными от города на время пока лед слаб, а затем на время невского и ладожского ледоходов, вообще, до открытия навигации на Неве. В это время, зачастую, бывает очень продолжительным.

Как только наступает распутица, торговцы сразу повышают цены на продукты. Особенно отличаются в этом отношении содержатели мясных лавок около «Горушки» [(местного рынка)], а их всего двое: Коровин и Воробьев, которые сразу поднимают цены на мясо на две, на три копейки на фунт. Они отлично знают, что мясники из города не могут явиться на охтенскую «Горушку». Для отвода глаз они [(Коровин и Воробьев)] высылают двух, трех своих приказчиков, которые, под видом торговцев из города, и сбывают все, что завалилось в лавках.

– Да почему, скажите, вдруг так мясо поднялось в цене? – спрашивают их.

– Так-с, – вот ответ лавочника, и больше вы ничего не добьетесь, а если рискнете расспрашивать, то можете получить очень дерзкий ответ, на что охтенские лавочники очень «охочи».

Поневоле приходится платить то, что просят.

Вторым бедствием во время распутицы являются местные извозчики. Они скромно работают круглый год, но во время осенней и весенней распутиц становятся неузнаваемы. Их всего здесь десятка два. Стоят они обыкновенно на углу Панфиловой улицы и Большеохтенского проспекта. Но здесь их находится всего три, четыре – это дежурные, остальные же с утра до вечера находятся в трактире на «Горушке».

Среди извозчиков имеются главари, которые устанавливают с утра чрезмерные цены в различные пункты, и ни один из извозчиков не смеет ослушаться и везти дешевле. Вообще, здесь извозчики чувствуют себя хозяевами положения.

И мы, живущие на Охте, во время распутицы оказываемся как бы «в неволе», лавочники и извозчики дерут с нас, что вздумается.

Житель с Охты

«Новое время», 25 марта 1897 г.

Итак, чета Классонов так и не дождалась получить ни водопроводной воды в собственном доме, ни общественного сада на Охте, ни возможности проехать через Неву по мосту, на конной упряжке или хотя бы пройти по нему пешком. Сей мост был построен лишь тогда, когда они покинули Петербург, перебравшись в Москву, побывали в Баку, вернулись в Первопрестольную...

Здесь стоит привести заодно разъяснение по поводу превращения в советское время «Охтенский» в «Охтинский» (из письма М.О. Каменецкого И.Р. Классону 21 января 1960 г.):

«Охтинский» мне режет глаз, вероятно, еще больше, чем Вам (замечание 10). Но в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956 г.) сказано: прилагательные оканчиваются на -инский, если они образованы от географических названий, оканчивающихся на -а (-я), например, ...охтинский (Охта). В примечании для Пресни и Пензы сделано исключение, а для Охты москвичи сделать [его], видимо, не захотели.

Кстати на упомянутой «Петербургцем» Панфиловской (Панфиловой) улице и обосновалась семья Р.Э. Классона. Однажды она (улица, а не семья) даже «попала в историю»:

На Большой Охте, при прокладке магистральной водосточной трубы по Панфиловской улице, рабочие разрывая грунт, наткнулись на глубине двух саженей на груду полуистлевших человеческих скелетов и довольно хорошо сохранившихся черепов.

Положение этих костей и место их нахождения позволяют предположить, что останки эти относятся еще ко времени войны Петра со шведами и завоевания [территории для будущего] Петербурга. «Новое время», 19 августа 1894 г.

Правда, в этой краткой информашке ничего не было сказано про вызов специалистов из какой-нибудь Археологической комиссии. Но, возможно, о подобных исследованиях потом было сообщено в каком-нибудь специализированном издании...

Добавим еще один отрицательный бытовой штрих к жизни семьи Классонов в Северной Пальмире, столичный лоск которой сильно тускнел от наличия оногo. Путешественник, скрывшийся под инициалами «В. А.» (в дальнейших публикациях – как «Вс. Ам.»), сравнивал в своей корреспонденции «От Босфора до Босфора» в «Новом времени» от 6 июня 1895 г. «провинциальную Одессу» и «столичный Петербург», в частности, услуги по доставлению жителям питьевой воды и по удалению нечистот:

В то время как в Петербурге вешние лучи солнца создают на улицах потоки жидкой пахучей грязи, несущие в себе отбросы уличной жизни целой зимы, и эти потоки образуют обширные лужи, проникают в почву или вливаются в городские каналы и реки, в Одессе действует непрерывно общественная система коллекторов, уносящая далеко за пределы города все нечистоты улиц и домов.

В этом отношении Одесса стоит не только бесконечно впереди русских городов, но впереди многих иностранных. Извержения людей и животных, помои, дождевые воды – все собирается непроницаемыми трубами в главный коллектор, который отводит нечистотную жидкость на солончаковые поля в окрестностях города.

Здесь жидкость эта является могучим средством для удобрения и орошения. Поля, прежде совершенно негодные для [сельскохозяйственной] культуры, теперь стоят огромных денег и приносят значительный доход и городу, и арендаторам, разводящим на них с необыкновенным успехом овощи.

Как далеко от такой совершенной системы удаления нечистот до выгребной системы Петербурга! Во всяком доме в нашей столице существует зловонная клоака, из которой жидкие нечистоты выпускаются в подпочвенную воду или в реки и каналы, а твердые – извлекаются от времени до времени, перевозятся ночными смрадными караванами к баркам и затем вываливаются в мелководной Невской губе.

А водопровод! В Одессе не только горожане, но и жители дач, даже очень удаленных от города, пьют чистую фильтрованную воду, хотя ее пришлось проводить за десятки верст – из р. Днепра. В Петербурге же, где река течет среди города, значительные части населения не имеют воды.

Как бы в pendant к этой корреспонденции в том же номере «Нового времени» была напечатана и еженедельная медицинская статистика по уже миллионному тогда Петербургу:

Отчет о смертности населения в столице за неделю с 21-го по 27-го мая определился в 522 случая, из них мужчин – 285 и женщин – 237. Бугорчатка легких дала 82 смерти, за нею следовали: желудочно-кишечные расстройства – 54, крупозное воспаление легких – 23, брюшной тиф, 15, скарлатина – 13, дифтерит – 11, корь – 7, коклюш и рожа – по 5 и т.д.

Детей до полугода умерло 131 и от 1 до 5 лет – 86, от 20 до 30 л. – 56, от 30 до 40 л. – 51, от 40 до 50 л. 54 и т.д. От старческой дряхлости умерло 18 чел., от врожденной слабости – 42 и мертворождений было 26.

<...> Сравнительно с другими большими городами Европы по количеству умиравших [в расчете за год] на 1 000 жителей первое место [на отчетной неделе] занимала Москва – 34,7; за нею расположились: Пешт – 32,2; Петербург – 26,6; Вена – 25,5 и т.д. <...>

Заболевания инфекционными болезнями в столице за неделю с 21-го по 27-е мая по сведениям, доставленным больничными санитарными карточками и практикующими врачами, выразились общию цифрою в 257 заболеваний. Первое место занимал брюшной тиф (62 заболевания); за ним следовали: скарлатина (55), дифтерит (45), корь (36), чахотка легких (18), крупозное воспаление легких (16) и т.д. <...> В больницах гражданского ведомства [(без учета военных госпиталей)] к 27-му мая всего больных состояло 5 811 человек, причем преобладали болезни: брюшной тиф, бугорчатка, скарлатина и крупозное воспаление легких.

И это в сравнительно благополучный период, когда Петербург не накрывало еще летне-осенней холерой! Напомним, что Петр Ильич Чайковский умер в 1893-м в Северной Пальмире после того, как выпил стакан некипяченой воды, из Невы. Так что остается только удивляться тому, как семью Классонов обошли все эти заразные напасти.

А вот публикация, которая подводит итог неблагоприятному санитарному положению в тогдашней столице Российской империи:

Коэффициент смертности в Петербурге за истекший 1895 год достиг 27 [человек] на тысячу [населения]. Цифра эта с первого взгляда кажется незначительною в сравнении с прошлыми годами. Но если сравнить эту цифру с цифрами западно-европейских столиц, то она окажется весьма крупною. В Копенгагене и Стокгольме смертность: 12-13 на тысячу, в Лондоне: 14-21, в Вене: 18-20, в Париже: 23-24.

Спрашивается, где причина такого значительного процента смертности в Петербурге? Говорят, что виной этому суровый и переменчивый климат Петербурга. Но это неверно. Есть много городов с гораздо худшим климатом, а смертность в них меньше. Другие выставляют причиной скученность населения; но где же есть еще такая скученность как в Лондоне, а между тем % смертности там меньше.

Указывают еще на неправильное и недостаточное водоснабжение [из Невы, вместо прокладки водовода с ключевой водой]. Это указание, бесспорно, имеет свою raison d'être [смысл]. До устройства центрального фильтра [на берегу Невы] смертность была больше, а с устройством его она стала уменьшаться, но уменьшение это не особенно поразительно.

Причину следует искать главным образом в недостаточной и неправильной ассенизации города. Существующий в Петербурге ассенизационный обоз очень мал: является необходимостью устройства канализационной системы, которая бесспорно может повлиять на уменьшение смертности.

Петербург с первого взгляда кажется чистым, но эта чистота только показная. Всякий дворник, боясь полиции, старается нечистоты заткнуть куда-нибудь за угол и прикрыть рогожкой, а там они лежат месяцами, гниют и заражают почву. С этой именно точки зрения Петербург является городом грязным.

По мнению проф. Шидловского, если бы снести все здания Петербурга и предложить жителям соорудить на этой самой почве новый город, они разбежались бы от страшного зловония. Исследование петербургской почвы дает очень значительное количество органических остатков. <...>

Радикальное оздоровление Петербурга, загрязненного уже веками вследствие отсутствия правильной ассенизации, является делом очень трудным и почти невозможным. Но все-таки введением канализации можно сделать очень многое и значительно уменьшить % смертности. Кроме этого еще очень важною мерой к оздоровлению Петербурга является улучшение санитарного надзора. Санитарный персонал состоит всего из 20 врачей, и при сколько-нибудь добросовестном отношении их к делу нет никакой физической возможности следить за санитарным состоянием города.

Собственно говоря, обязанность санитарных врачей состоит главным образом в производстве дезинфекции после заразных болезней, что отнимает достаточно много времени. Требовать же от них, чтобы они производили частые санитарные осмотры своих участков, было бы несправедливо и невозможно. В Петербурге свыше 15 тысяч домов, и на каждого врача приходится таким образом около 800 домов. При желании хоть раз в год осмотреть свой участок, врачу пришлось бы каждый день осмотреть 2 дома, а времени для более или менее подробного осмотра 2 домов, часто 5-6 этажных, со всеми службами и постройками, потребовало бы не менее целого дня. Потому увеличение штата санитарных врачей является большою необходимостью. <...>

С.-Петербургские ведомости, 1 марта 1896 г.

Примерно о том же и в том же месяце писала другая местная газета:

Петербург нуждается во многом, а чтобы это многое исполнить и поставить столицу на нужную высоту, городу нужны деньги, и деньги большие. По проекту городского головы В.А. Ратькова-Рожнова, поданному им в городскую Управу, на приведение Петербурга в порядок необходимо до 15 миллионов рублей. На что же нужны эти деньги? <...> Нужны деньги на постройку трех мостов через Неву: постоянного Дворцового [(3 миллиона рублей)], постоянного Троицкого [(5 миллионов рублей)] и плашкоутного на Охту [(300 тысяч рублей)].

Также необходимо позаботиться и о проведении ключевой воды, так как невская вода, благодаря фабрикам, с каждым годом все загрязняется. Хорошо устроить в Петербурге и канализацию.

<...> Старший же техник городской Управы П.Ю. Сюзор составил ведомость всем тем работам, какие необходимо произвести, чтобы привести столицу в благоустроенный вид. По его расчету, на это необходимо около 68 миллионов рублей. Самыми крупными затратами у него являются устройство по городу канализации по системе Линдлея (20 600 000 рублей) и ограждение города от наводнений (6 000 000 рублей).

«Петербургский листок», 19 марта 1896 г.

Ну и поистине криком души была публикация в той же газете месяцем позже:

Имеющие уши да услышат

«Отцы города» в зимнее свободное время занимаются пережевыванием вопроса о том, придет ли в Петербург в эту весну холера, и если придет, то как ее встречать? <...> А между тем в столице нашей происходит нечто невероятное. Петербург, один из красивейших городов Европы, с его бьющею в глаза наружною чистотою, на самом деле – гниет в своих нечистотах; страшно сказать, что в Петербурге нет ассенизации!

Пусть читатель широко раскрывает глаза, если он удивлен, но это не опечатка, так как нельзя назвать этим словом практикующийся у нас способ удаления нечистот. Переноса фекалии из одного места в другое, рядом лежащее; пропитывание почвы содержимым выгребных ям – всему этому должно присвоить иное название. Это не ассенизация, а медленное отравление города. Это – нарушение основных начал гигиены и преступление против сущности принципа охранения народного здоровья.

Двести лет тому назад иначе смотрели на это дело. Вот что говорится в указе Петра Великого:

За всякие непотребные свалки мусора, грязи и нечистот в реку Неву виновные в сем деянии будут нещадно биты батогами, а упорные будут казнены смертию.

Эффект получается полный, если с этим суровым наказом сопоставить обязательное постановление С.-Петербургской городской Думы от 2-го Августа 1884 года, которым разрешен спуск жидких нечистот в городские сточные трубы.

Очевидно, что понятия переменились и что со времен Петра Великого мы далеко ушли вперед. Правда, подземные сточные каналы изливаются не Неву, о чистоте которой заботился мудрый Государь, а в Фонтанку, Мойку и так далее, но, к несчастью, это ничуть не уменьшает зла. Вода из Невы оказалась негодной для питья [(несмотря на установку городских песчаных фильтров, которые, правда, бессильны против болезнетворных бактерий)], а устье этой чудной реки превратилось в смрадную клоаку, дно которой состоит из осевших там нечистот. Ветер с моря поднимает всю эту грязь, гонит ее вверх по руслу Невы и во время наводнений заливает улицы и подвалы города жидким раствором того, что перед этим спускалось в каналы по сточным трубам.

«Петербургский листок», 19 марта 1896 г.

Далее анонимный автор «крика души» подвергал острой критике проект так называемой «сплавной ассенизации», которую «отцы города» предполагали облагодетельствовать петербуржцев (по системе Линдлея, на 10,6 млн руб.), и предрекал отравление не только устья Невы, но уже и всего взморья, до самого Кронштадта. Он же ссылаясь на отрицательный опыт Берлина и Парижа, отравивших соответственно Шпрее и Сену, на резко критическое отношение к такой канализации профессоров Вирхова, Варринга, Путкаммера, Петтенкофера, бактериолога Кнауфа; предлагал воспользоваться положительным опытом Лондона, Дрездена, Амстердама Бремена, Роттердама, Генуи, Праги и целых сотен меньших городов, внедривших у себя пневматическую ассенизацию.

В общем, надеемся, что читатель получил вполне полное представление о тогдашнем Петербурге, где пришлось чете Классонов пребывать целых четыре года, с маленькими детьми.

Однако вернемся к профессиональной деятельности Роберта Эдуардовича.

Р.Э. Классон (четвертый слева в первом ряду) на Охтенских пороховых заводах

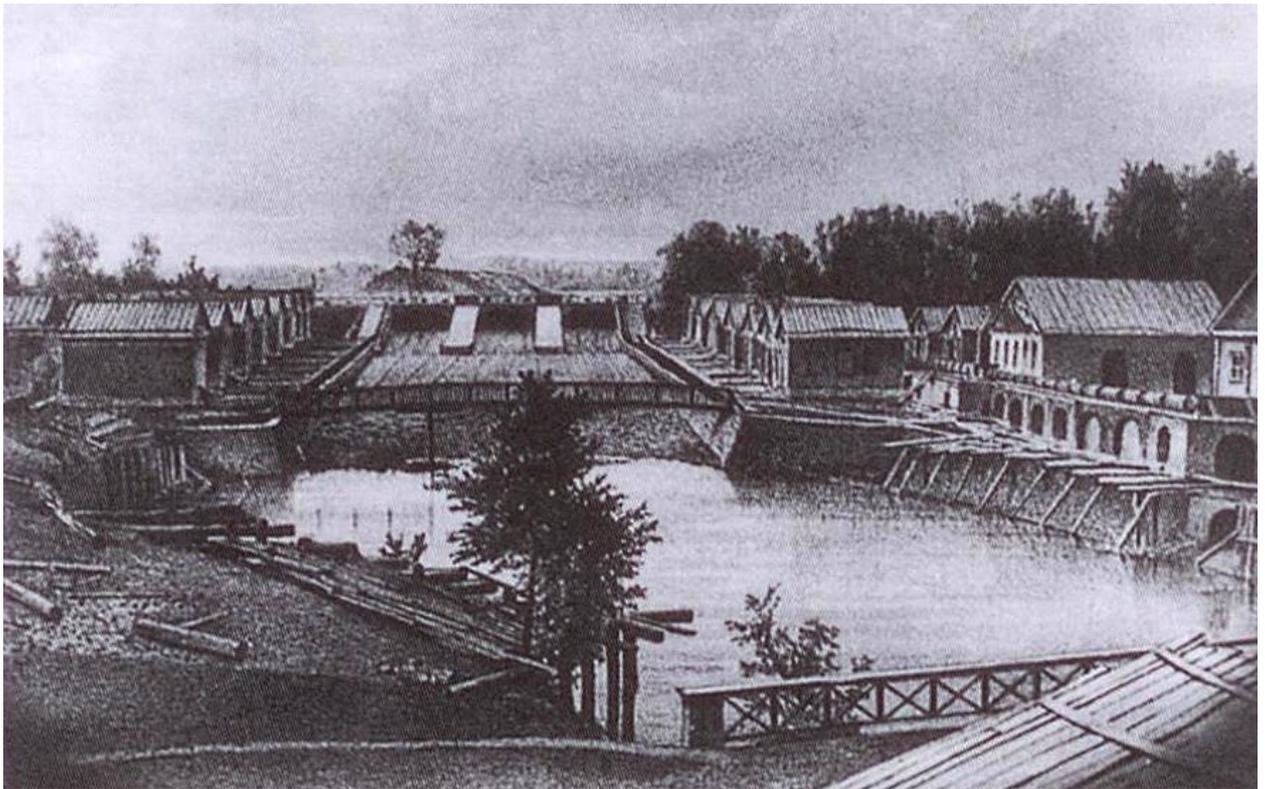
Как вспоминал Николай Иванович Языков, познакомившийся с Робертом еще в 1889-м в Технологическом институте, работая вместе с ним в механических мастерских, поступил последний на Охтенские пороховые заводы, как ни странно, не электротехником, а химиком:

*Россия в то время не имела и не могла иметь таких знающих электротехников, но, в силу обстоятельств, пришлось Роберту Эдуардовичу заняться химией, к которой он никакой склонности не имел. Большую часть времени суточного дежурства Р.Э. проводил в машинном отделении, и мы с ним проделывали массу опытов, к которым он был особенно склонен. Осмотревшись на заводе, Р.Э. решил, что здесь ему делать нечего, и если бы не случай, то Охтенские заводы больше не увидели бы Р.Э. Как только, через два-три месяца, Р.Э. занял место главного электротехника на заводе *, сразу же сказались богато одаренная натура Р.Э., способная разбудить, оживить и заинтересовать всех тем, чем он жил. Р.Э. прочитал несколько докладов в Общественном собрании при заводе, сопровождая их опытами с Рентгеном [(с рентгеновскими лучами)], токами Тесла высокой частоты и напряжения, и публика стала ломиться в Общественное собрание, которое из себя до сих пор представляло только место для выпивки офицерства **. Нужно было видеть, каким орлом носился Р.Э. на своем велосипеде «Адлер», вечно спеша побывать везде, на громадной площади завода. (здесь и далее воспоминания Н.И. Языкова цитируются по сборнику МОГЭС – «Памяти Р.Э. Классона», 1926 г.)*

* В.Н. Чиколев, по-видимому, решил перепоручить Р.Э. Классону свои обязанности электротехника на Охтенских пороховых заводах, продолжая служить в Главном артиллерийском управлении. Формально он уволился с предприятия в 1895-м.

** Из колонки «Хроника» газеты «Новое время» за 10 октября 1889 г.:

Вчера состоялось открытие военного собрания Охтенского порохового завода. В час дня в большом зале собрания отслужено молебствие, по окончании которого в столовой собрания был сервирован для всех присутствовавших завтрак. Вновь открытое собрание занимает весь верхний этаж двухэтажного каменного здания, построенного по проекту архитектора академика Марфельда.

*В нижнем бьефе запруды на Охте, дореволюционное фото
(справа, предположительно, «турбинный дом»)*

Существовало в Петербурге и акционерное «Общество электрического освещения 1886 г.», но почему-то Р.Э. Классон сразу туда не попал. Предположим, что Охтенские пороховые заводы предложили ему служебную квартиру здесь же, на Большой Охте, и он, будучи уже обременен семьей, согласился на этот, возможно временный, вариант.*

Н.И. Языков так продолжал «линию охтенской жизни» Роберта Эдуардовича:

Как только Р.Э. осмотрелся на новом месте, он начал проводить свою заветную мечту: применить трехфазный ток для передачи энергии на расстояние и заменить громоздкую, неудобную и невыгодную канатную передачу электромоторами трехфазного тока. <...> В этом случае помогла Р.Э. его неукротимая воля и рвавшаяся наружу энергия. Он путем целого ряда докладов с цифрами в руках и с еще большим количеством их в голове, в конце концов, убедил всех в своей правоте, и вопрос пошел в верхи.

Немало крови испортил Р.Э., доказывая и там все выгоды новой установки. Никто не верил, т.к. никто ничего подобного не видел. Пришлось проделать несколько опытов в маленьком масштабе, чтобы публика, если не головой, то руками, убедилась бы, что здесь не мистификация, а действительность. Наконец, и здесь убедить удалось, и Р.Э. получил разрешение заказать два генератора трехфазного тока, мощностью 300 и 400 л.с., напряжением 2 200 вольт.

А теперь об удивительной способности Р.Э. Классона взбаламучивать застойную среду мелкого и среднего чиновничества:

Видя всюду недоверие к его делу и мучаясь медленностью проведения в жизнь всех его начинаний, он, и после полученного разрешения, не давал покоя всем чиновникам в Артиллерийском ведомстве, опасаясь задержки благодаря их халатности. Я уверен, что немногие чиновники были спокойны при его появлении в Управлении.

* Как следует из показаний Р.Э. Классона при допросах в Департаменте полиции, он с семьей проживал на Панфиловой ул., д. 26. Оставляем историкам докапываться, были ли в этом доме служебные квартиры Охтенского завода.

Наконец он нашел для себя защитника в лице Начальника Управления генерала Альтфатера, который одним росчерком пера положил предел всем опасениям. Но известно, что жизнь делают не Альтфатеры, а мелкие сошки, сидящие за трехногим столом. И вот, заручившись согласием Начальника Управления, Р.Э. начал выбивать пух из этих чиновников. Несмотря на его настойчивость, все-таки, дело заказа протаскалось около трех месяцев.

Как-то приезжает Р.Э. сияющий, входит в контору, держа высоко шляпу над головой, и сообщает, что вчера он получил письмо из Швейцарии от Эрликона с подтверждением принятого заказа. Сколько Р.Э. послал еще писем Эрликону, не знаю, но нам было известно, что представитель Эрликона – Цейтшель неоднократно справлялся, не горит ли завод, что такая спешка.

Отметим здесь, что Михаил Георгиевич Альтфатер, лютеранского вероисповедования, окончил Михайловское артиллерийское училище, а затем Михайловскую артиллерийскую академию, и в 1889-м его произвели в генерал-майоры. А в марте 1892-го М.Г. Альтфатер был назначен помощником начальника Главного артиллерийского управления (переместившись с должности командира 23-й артиллерийской бригады).

Но главное здесь, что, по-видимому, два лютеранина поняли друг друга: именно в мирской, созидательной деятельности (в т.ч. и в электротехнике, как тогда именовалась электроэнергетика) человек должен искать пути спасения и служения Богу. Правда, Р.Э. Классон какое-то время «поклонялся» и «божку» Карлу Марксу.*

И, наконец, апофеоз дела, описанный тем же Н.И. Языковым:

Настоящее торжество было впереди, когда начали подвозить машины. Вот тут-то Р.Э. совершенно не знал усталости. Мало того, что он целые дни проводил в турбинном доме, но даже после окончания службы, слетав на велосипеде домой на Охту (4 версты) пообедать, вновь прилетал на работу, издали подавая сигнал, что он едет.

<...> Наступил день пуска, выбран был праздник, когда некоторые мастерские завода стояли. Что переживал в это время Р.Э., понять нетрудно: малейшая неудача грозила большими осложнениями на завтра, т.к. канатные передачи были сняты. Но к счастью Р.Э. и всех его единомышленников, все пошло хорошо и на другой день моторы заменили уже часть паровых машин. Р.Э. с четырех часов утра был уже на заводе, и мы с ним летали на велосипедах от одного мотора к другому, осматривая, ощупывая и обнюхивая их. Р.Э. радовался как ребенок, да и нельзя было не радоваться.

* Заметим попутно, что сын Михаила Георгиевича (Егоровича) Альтфатера Василий (1883-1919), окончив Морской корпус, верноподданно служил царю и отечеству на Императорском флоте (получил награды – ордена Святого Станислава 2-й и 3-й степени, орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, ордена Святой Анны 2-й, 3-й и 4-й степеней), но в 1917-м оказался в противном стане. Перейдя на сторону большевиков, В.М. Альтфатер участвовал, как морской эксперт, в заключении позорного Брестского мира (декабрь 1917-го – март 1918 г.), а в октябре 1918 г. стал первым командующим морскими силами Республики. По-видимому, В.М. Альтфатер не знал, что Берлин через А.Л. Гельфанда-Парвуса и Л.Б. Красина перевел не один десяток миллионов рейхсмарок на поддержку деятельности В.И. Ульянова-Ленина по разложению Императорской армии и флота и затем по приходу его партии к власти (См.: Бунин И. Золото партии. СПб., 1992).

Однако вот как нелицеприятно был описан В.М. Альтфатер в книге Павла Зырянова «Колчак»:

В воспоминаниях [морского офицера] С.Н. Тимирева приводится нелестная, но, как думается, вполне обоснованная характеристика Альтфатера, который, по его словам, «являл собой яркий пример очень умного, ловкого и совершенно беспринципного карьериста». В отличие от большинства офицеров, неохотно говоривших о политике, Альтфатер любил рассуждать о пользе самодержавия для России и слыл крайним монархистом. Говорили, что он мечтает получить звание флигель-адъютанта, то есть быть причисленным к императорской свите, и таким образом обеспечить себе карьеру.

Р.Э. Классон, идя на службу большевикам, был все же честнее сына своего покровителя М.Г. Альтфатера. Последний умер в августе 1918-го и знал о превращении Василия из «крайнего монархиста» в «прислужника большевиков», после отпевания по лютеранскому обряду (sic!) похороненного в апреле 1919-го...

Встретившись на Охтенских пороховых заводах с Н.И. Языковым, своим знакомым по Технологическому, Роберт Эдуардович не расставался с ним до 1926-го, т.е. до самой своей смерти. Это стало большой удачей для нас: последний оставил весьма живописные воспоминания о своем талантливом сверстнике (родились они оба в 1868-м).

Поясним здесь, что в турбинном доме на р. Охте, давно были установлены водяные турбины системы Жирара и Жонваля, которые постепенно заменялись паровыми машинами, и Р.Э. Классон решил вдохнуть в эти турбины вторую жизнь. При модернизации Охтенских пороховых заводов в середине 1860-х (изначально предприятие начали строить еще в 1715 году, т.е. при Петре I) идея передавать от них нагрузку по проволочным канатам была задумана и реализована известным ученым И.А. Вышнеградским.

«Самой замечательной работой Ивана Алексеевича [Вышнеградского] в области практического машиностроения была постройка Охтинского порохового завода, для которого покойный устроил двигатель [(три гидротурбины по 140 сил каждая)]... и проволочную передачу работы от двигателя к отдельным пороховым фабрикам, выстроенным на протяжении нескольких километров в расстоянии 53 м одна от другой, и многие исполнительные механизмы.

Во время исполнения этой работы [в половине шестидесятых годов] передача проволочными канатами представляла новость; в Западной Европе было еще очень мало примеров такой передачи, и грандиозное Охтинское устройство обратило на себя общее внимание, так что после того на Охтинские заводы указывали при перечислении наиболее замечательных проволочных передач», – напоминал В.Л. Кирпичев в статье «Иван Алексеевич Вышнеградский, как профессор и ученый» («Вестник общества технологов», 1895, №6).

По-видимому, затем при расширении производства одна из трех турбин Жонваля была заменена более мощной турбиной системы Жирара в 250 л.с. Как упоминал Р.Э. Классон в статье «Электрическая передача силы трехфазными токами на Охтенских пороховых заводах близ С.-Петербурга» («Электричество», 1897, №19), в 1893-м все фабрики, приводимые в движение турбинами, прекратили работу за ненадобностью, и нужно было подумать о другом применении водяной силы.

Последний сюжет требует пояснения: почему в 1893 г. «все [старые пороховые] фабрики прекратили работу за ненадобностью»? В Интернете можно встретить лишь косвенные ссылки, например, такую – «в конце XIX века Охтенский завод перешел на производство бездымного пороха, для его изготовления энергии воды отводилась второстепенная роль».

И еще одна ссылка:

В конце 1890 г. в России был получен [бездымный] пироксилиновый порох на спиртоэфирном растворителе и в 1891 г. была изготовлена опытно-валовая партия пластинчатого пороха (весом в 20 т) для патронов трехлинейной винтовки системы Мосина. В дальнейшем были разработаны ленточные пироксилиновые пороха для орудий.

Одновременно с разработкой пороха в России под общим руководством [заместителя начальника завода, военного инженера] А.В. Сухинского было начато строительстве пироксилиновых и пороховых заводов. В июле 1890 г. приступили к постройке пироксилинового и порохового завода на Охте, на котором к концу 1891 г. была налажена валовая фабрикация винтовочного пороха.

Насколько опасным было производство пороха и особенно пироксилина (в 5 раз более мощного взрывчатого вещества), для окружающих Охтенский завод местностей и его жителей, можно судить по катастрофе, которая случилась в марте 1892 г.:

Сегодня [(23 марта)], в исходе пятого часа дня, в городке Охтенских пороховых заводов произошел взрыв 350 пудов пироксилину. Катастрофа произошла в одном из вновь возведенных зданий отделения бездымного ружейного пороха в сушильне, построенной из кирпича. Здание взлетело вместе с фундаментом, так что от него не осталось следа, если не считать огромной трубы сушилки, которая почему-то уцелела.

Взрыв произошел во время работ, но все находившиеся в сушильне рабочие – полагают, что их было не более 9 человек, – исчезли. Они, вероятно, разорваны на клочки и разбросаны на большое расстояние. Так приходится судить по найденным в расстоянии 100 и более сажен от места взрыва частям человеческих трупов, оторванным и обесформенным до неузнаваемости головам и другим. Рабочие эти нанимались с воли, и это обстоятельство затрудняло собирание о них сведений для выяснения их числа и имен. Сегодня список погибших рабочих составлен не был [(имена 8 погибших и 5 изувеченных будут опубликованы в «Новом времени» 25 марта)].

От сотрясения пострадали некоторые из соседних заводских зданий, в которых из числа рабочих пять человек получили более или менее тяжкие повреждения. Они помещены в лазарете порохового завода. Причина взрыва неизвестна. Удар был так силен, что слышен был в городе, а в расстоянии до 2-х верст от завода во многих домах потрескались потолки и полопались стекла в окнах («Новое время», 24 марта 1892 г.).

Далее следовали подробности уже не от хроникера, а от постоянного автора газеты В. Прокофьева:

С места взрыва

Ужасный случай, происшедший вчера [(23 марта)] на пороховом заводе, принадлежит к числу таких явлений, которых предвидеть нельзя и исследовать так же. Всякому известно, что приготовление взрывчатых веществ опасно, а тем более пироксилина, при котором малейшая небрежность влечет страшные последствия.

Пороховой городок представляет обширную площадь вблизи порохового селения, окопанного канавой и обнесенного где частоколом, где живой изгородью. Кажется издали, что это какая-то громадная роща с прогалинами, в которой разбросана масса домиков и всяких построек с трубами и без труб.

Далеко в стороне от проезжего шоссе стоят три домика в одну линию, с промежуточными между ними малыми постройками. Дома эти не новые, а старые, и один из них, третий приспособлен к сушке пироксилина, нужного для приготовления бездымного пороха. Сушка производится в особо устроенных деревянных шкафах. В первом домике производится сушка только одного пороха, во втором – навеска уже высушенного, в третьем домике – пироксилина.

Все здания одного типа. Дом каменный, одноэтажный, крытый железом, сажен в 12 длины; он обнесен с трех сторон высоким валом и задней стеной почти примыкает к нему. С этих трех сторон нет никаких отверстий – ни окон, ни дверей, а четвертая, открытая к полю сторона, имеет окно и входную дверь. Перед нею, довольно отступя, стоит березовая рощица. Не особенно далеко от этих домиков возводятся новые строения – специальные сушильни пироксилина; здесь работало над постройкой много рабочих. В сушильнях же идет непрерывающаяся работа днем и ночью, ибо сушка пироксилина требует постоянства, перерыв может испортить пироксиллин.

К домику №3 приделаны с боков пристройки – коробки, в которых помещены вентиляционные печи и аппараты Кертинга*. При них находились механики – мастера, а внутри сушильни работали как всегда 7 человек.

Было без четверти пять пополудни, как раздался удар, точно залп тысячи орудий, страшный удар грома, но без раскатов – тррах! – и во все стороны полетели камни, щепки, а над местом удара поднялся гигантский фонтан из пыли кирпичей, земли и щепок. В то же время сотрясением воздуха выбило в ближайших зданиях форточки, двери; дождем посыпались стекла из рам.

Надо заметить, что вблизи сушилен никаких жилых построек нет – они за версту и за полторы. Так, за версту, у самого шоссе, которое идет около городка, стоит пироксилиновый завод – в нем не осталось ни одного стекла целым, с другой стороны сушилен, тоже версты с полторы, находится капсульный завод, имеющий свое отдельное управление – там тоже полопались все стекла.

Живущие там ужасно испугались; главное, потому что на заводе находится большой запас гремучей ртути, которая от сотрясения воздуха могла взорваться. Паника вообще распространилась кругом; женщины падали в обморок. Как грандиозен был поднявшийся над местом взрыва столб и с какою силою газы расшвыряли все ими поднятое, показывают обломки и щепки, находимые не только за рекой Охтой, что за городком течет, но и за притоком ее, речкой Луппой. В то же время пострадали и здания, сравнительно в стороне стоящие. Например, в казенном доме, что возле церкви, на лестнице разбилась наружная и вылетела внутренняя рама.

Квартиры же, преимущественно офицерские, которые были ближе, и те, что около пироксилинового завода, пришли в такой вид, что в них нельзя было оставаться. В одной квартире, например, осыпалась штукатурка и буквально вылетели все рамы и двери. Через три минуты после взрыва все население завода было уже там.

Прибежали и увидели, что там, где было здание, теперь ничего нет или, вернее, есть, но одна куча мусора, на сильно изрытом поле. Рожицы как не существовало. Деревья превращены в щепки и раскиданы, камни раздроблены, кирпич местами истерт в порошок! В двух соседних (но не близких друг к другу) сушильнях выбиты стекла, двери – остались только стены.<...> Во взорвавшемся доме сушилось около нескольких сот пудов пироксилина. При взрыве части дерева внутри домика воспламенились, и одна головня упала на домик №2, где находилось вдвое более пудов сырого и сухого пироксилина, а в доме №1 сушилось множество пудов пороха. Опасность была страшная, ибо от одного сотрясения воздуха могли произойти взрывы во всех зданиях.

Самоотверженные рабочие, несмотря на опасность, успели сбросить головню с крыши дома №2 и вывезти оттуда часть пироксилина, а оставшуюся часть затопили водой. Из пироксилинового завода с испугом и криками выбежала толпа работавших там женщин.

<Далее следовали ужасные подробности об останках 9 погибших; помещенных в лазарет 28 раненых, из которых пятеро были без памяти; заодно – о 22 обратившихся за перевязкой.>

Сегодня утром [(24 марта)] прибыли на завод военно-судебные власти. Сегодня же приезжал товарищ генерал-фельдцейхмейстера генерал-адъютант Софьяно [(И.П. Софиано)] с инспектором генералом Каминским.

* В 1871 г. Бертольд и Эрнст Кёртинг (Berthold u Ernst Körting) основали компанию Gebrüder Körting («Братья Кёртинг») в Ганновере. Они быстро достигли успеха, проектируя и изготавливая так называемые струйные аппараты или эжекторы, а также промышленные горелки. <...> Инженер Эрнст подпитывал техническое развитие многочисленными изобретениями, обеспечивая постоянное преимущество над конкурентами. А Бертольд, человек бизнеса, работал с финансами. (www.koerting.de)

Первый в городе услышал взрыв военный министр [генерал-адъютант П.С. Ванновский] и тотчас же спросил по телефону: «не у вас ли взрыв?». Через час после ответа уже на завод приехал его сын, флигель-адъютант Ванновский.

«Новое время», 25 марта 1892 г.

27 марта в «Новом времени» был опубликован репортаж «С места пироксилинового взрыва», где описывались в том числе похороны (при участии начальника завода генерала Студзинского*, начальников мастерских, почти всех офицеров завода) и кратко – само заводское кладбище. Здесь уже находились «братская могила» с крестом: «В память погибших на Охтенском пороховом заводе, сооружен в 1890 году» и более «свежие» три могилы убитых при взрыве в 1891 году, когда капитан Пампушко [правильно, Панпушко – МК] производил опыты снаряжения бомб новым взрывчатым составом**.

В общем, каждый год – все новые жертвы.

Во времена нахождения семьи Классонов (отец семейства, мать и маленькая Соничка) – 1893-97 годы на Охте подобных эксцессов, слава Богу, не случится...

Однако военное ведомство не чуждалось «технического прогресса» и в 1895-м стало налаживать производство еще более опасного взрывчатого вещества (из-за которого на полигоне уже погибло 4 человека):

В местности Пороховых заводов, между деревнями Ржевкой и Кабановым, в настоящее время идут работы по постройке первого в России большого завода для приготовления мелинита. Закладка главного корпуса была совершена в середине нынешнего лета. Возводится 30 отдельных построек, из которых 23 деревянные и 7 каменных. Строительные материалы подвозятся с Невы по Ириновской железной дороге, которой для этой цели пришлось построить несколько новых подъездных ветвей.

Работы по возведению зданий ведутся так спешно, что половина их вчерне уже готова. Окончание работ и открытие нового завода ожидается не позже будущего года.

«Новое время», 21 августа 1895 г.)

В следующем году спешное строительство продолжилось:

В селении Пороховых, что на реке Охте, идут усиленные работы по постройке мелинитового завода, который подрядчиком М.М. Проверовым и будет окончен к осени текущего года.

«Петербургский листок», 7 июня 1896 г.

А место службы Р.Э. Классона даже поменяло название:

В виду расширения деятельности Охтенских пороховых заводов, вследствие присоединения к ним капсюльного отдела С.-Петербургского патронного завода и строящегося в настоящее время мелинитового завода, заводы эти Высочайше повелено именовать впредь «Охтенские заводы для выделки пороха и взрывчатых веществ».

«С.-Петербургские ведомости», 25 августа 1896 г.

* Гравировка «А.И. Студзинский» будет выполнена первой, как нетрудно убедиться, на развороте крышки настольного блокнота, преподнесенного Р.Э. Классону при его уходе с Охтенских пороховых заводов в 1897 г. (см. ниже). Александр Иванович Студзинский сделал, можно сказать блестящую карьеру – от прапорщика, выпущенного в 1862-м из Павловского кадетского корпуса и подавлявшего затем восстание в Польше, до генерала от артиллерии в 1907 г. Правда, с ним однажды случилось «маленькое завихрение»: когда он служил столоначальником в Главном артиллерийском управлении, то в январе 1870 г. был арестован по т.н. «нечаевскому делу», но через 5 дней выпущен на свободу.

** 28 ноября 1892 г. исполнится годовщина гибели от взрыва начиненного мелинитом снаряда на Главном артиллерийском полигоне штабс-капитана Семена Васильевича Панпушко и с ним трех нижних чинов. С.В. Панпушко был похоронен на Казанском кладбище в Царском Селе, а 3 нижних чина – на Охтенском кладбище. «Новое время» по этому случаю опубликует траурное объявление.

Семейная чета Классонов оказалась не только «на выселках», но и в весьма опасной местности, из-за даже косвенного соседства с Пороховыми заводами:

С северо-восточной стороны Петербург опоясан дугою лесных и торфяных пожаров. Недавно вновь загорелся торф между деревней Девяткиной и пороховыми погребями у Медвежьего стана. На днях же шла борьба с огнем на [артиллерийских] полигонах и горело большое пространство левее Поклонной горы.

Огонь подвигается видимо на запад. Над локализацией и прекращением огня работают все время, начиная с конца июня, войска и крестьяне ближайших волостей, а несколько дней назад в помощь им были приданы рабочие с Пороховых заводов.

«С.-Петербургские ведомости», 16 июля 1896 г.

Значительно более подробное описание того же пожара дало «Русское слово», в номере от 17 июля, и там упоминалось, что в качестве одного из руководителей тушения оно было какое-то время, кроме строевых командиров, помощник начальника Охтенских пороховых заводов, генерал-майор Сухинский (гравировка: «А.В. Сухинский» – тоже имеется на развороте крышки настольного блокнота, преподнесенного Р.Э. Классону при его уходе с Охтенских пороховых заводов в 1897 году).

Ну а следующий сюжет вообще ни в какие ворота не лезет – на улицу, где обитали Классоны, пожаловали паровозы (sic!). В 1895 году таковых чудовищ, изрыгающих клубы дыма, искр и сажи еще не было, однако пасторальная обстановка уже пропала:

Ириновская железная дорога и охтяне

С окончательной постройкой Ириновской дороги от конца Панфиловой улицы до берега Невы охтяне положительно осерчали на нее и более других обитатели Панфиловой улицы. Обитатели ее, привыкшие к мертвой тишине, теперь и днем и ночью слышат звонки и свистки. Маленькие домишки положительно ходуном ходят при проезде вагонов, которые на протяжении Панфиловой улицы до берега Невы провозятся лошаадьми. Эта железная дорога по упомянутой улице стеснила местных обывателей.

Ранее улица была переполнена ребятишками, которых теперь приходится не выпускать со двора. Куры, утки, собаки, разгуливающие по улице, то и дело попадают под колеса вагонов, которые, в виду значительного подъема от Невы, мчатся здесь с той же быстротою, как и вагоны конно-железной дороги у нас, в столице, при подъемах на мосты.

Местные домовладельцы-охтяне недовольны и тем, что Ириновская дорога, проложившая здесь свои рельсы, испортила им и мостовую, которую они так недавно заново вымостили. При прокладке рельсов мостовая была разрыта и до настоящего времени остается не заделанной.

«Петербургский листок», 13 июля 1895 г.

Но вот на Панфилову улицу пожаловали паровозы:

Название «Копченая улица» на Охте получила Панфилова улица с того времени, как от берега Невы по ней стали ходить паровозы Ириновской железной дороги. Узенькая улица при проезде паровоза бывает вся застлана дымом и даже сажей, которые и оседают на домах, большинство которых в настоящее время имеют копченый вид. Окна в квартирах открывать нельзя, иначе от проходящего поезда в квартиру врывается целый столб дыма и сажи. Если на паровозах этой дороги каменный уголь не будет заменен более лучшим, то не только улица, но и все панфиловцы превратятся в копченых.

«Петербургский листок», 30 июля 1895 г.

На следующий год терпение «панфиловцев» иссякло:

Недавно обыватели Панфиловой улицы, на Охте, обратились к С.-Петербургскому градоначальнику со следующим ходатайством. Администрации Ириновской железной дороги в свое время было разрешено продолжить линию дороги по Панфиловой улице, на Охте, до берега Невы. Разрешение это было дано Обществу железной дороги с тем обязательством, чтобы было вполне гарантирована безопасность движения по улице, для чего следовало соблюсти условия:

1) по соединительной ветви от станции Охта до берега Невы движение должно производиться днем – конною тягой и ночью – паровою;

2) что даже ночью по этому участку могут быть допускаемы только те паровозы, которые не дают искр и дыма и, притом, снабженные кожухами, закрывающими движущие[ся] части машины и

3) на пересечениях линии со Средним и Большим проспектами, для безопасности движения экипажей и пешеходов, впереди поезда должен идти кондуктор со звонком.

Но обязательства эти не были исполнены. Сначала временно была продлена паровозная тяга, вместо периода от 12 час ночи до 5 час утра – с 9 час вечера до 8 час утра. Затем временно было исходатайствовано возить поезда паровою тягой и днем. Вследствие такого положения дела паровозы стали застилать улицы целыми тучами густого дыма и снопами искр, вызывая страх за целостность деревянных строений. Такое движение поездов паровою тягой продолжалось в прошлом году с 20 июля до закрытия навигации [на Неве], причем ходили [каждые сутки] по 14 пар поездов.*

В настоящее время правление Ириновской железной дороги решило уже формально обратить временное разрешение в постоянное и возбудило ходатайство о позволении возить пассажирские поезда паровою тягой, не стесняясь временем дня. Вследствие этого ходатайства С.-Петербургский градоначальник ген.-майор Н.В Клейгельс поручил особой комиссии изучить техническую сторону вопроса.

Комиссия признала необходимым медленное движение поездов, не свыше 5 верст в час; ограждение перилами части пути по дамбе; устройство ограждений на время прохода поездов поперек Большеохтенского проспекта и, кроме того, принять меры против дыма и искр. Таким образом, произведенное по распоряжению градоначальника расследование выяснило основательность жалоб домовладельцев Панфиловой улицы и нет никакого сомнения, что их справедливое желание будет, наконец, уважено.

«С.-Петербургские ведомости», 29 июля 1896 г.

«Справедливое желание» охтенцев по каким-то причинам не было уважено и через полгода:

Из кипы заявлений

До настоящего времени поезда Ириновской железной дороги, с удлинением рельсового пути до берега Невы, продолжают пересекать многолюдный Больше-Охтенский проспект, на котором нет ни шлагбаума, ни заставы. Перед проходом поезда сторож протягивает с одной стороны веревку или звонит в небольшой колокольчик. Такой примитивный способ ограждения проезжих и прохожих от поездов делает Больше-Охтенский проспект у Панфиловой улицы небезопасным. Д.

«Петербургский листок», 23 января 1897 г.

* С 15 октября 1895 г. от Охты до Ириновки и обратно ходила одна пара пассажирских поездов, от Охты до Полигона и обратно – 10 пар (плюс дополнительная пара в выходные и праздничные дни). А с 16 августа 1896 г. открылось движение 3 пар пассажирских поездов от Шлиссельбурга (ст. Шереметевка) до Петербурга (ст. Охта).

Дореволюционная карта Большой Охты
(видны станции Ириновской ж.д. – Охта и Охта-Нева на Панфиловой ул.)

Выходит, Роберт, носясь на своем велосипеде между домом и работой, все время пересекал узкоколейные пути Ириновской железной дороги и рисковал если не жизнью, то уж здоровьем точно?

И «самый последний сюжет» – о том, кто или что, кроме паровозов с дымом и искрами, мог пожаловать на Панфилову улицу и в ближайшие окрестности:

Охта в осаде (Из письма в редакцию)

Обыватели Охты радовались тому, что в конце [1895] года у них закрылся ряд всевозможных торговых заведений со спиртными напитками, надеясь, что одновременно сократится и пьянство. Но не тут-то было! Охту по-прежнему заполняют всевозможные пропойцы, бродяжки и нищие.

– У нас нет ни одного ночлежного дома, и где только находит приют по ночам эта масса бродячего люда? – дивятся охтяне.

Не надо забывать, что с севера и востока Охту окаймляет Полюстровский участок, в районе которого находятся деревни: Исааковка, Сергиевская, Матросская и другие, которые переполнены постоянными дворами, торгующими [пивом и водкой] круглые сутки.

Несмотря на миниатюрность Исааковки, в ней имеется два постоянных двора и еще пять заведений, торгующих крепкими напитками; на Пороховском шоссе, за Охтой, еще два постоянных двора, в Сергиевской – еще и т.д. Кабаки различных сортов, и их аборигены именно осаждают Охту.

Эти местечки с постоянными дворами служат как бы редутами, в которых укрываются на ночь болтающиеся без дела люди, а утром вновь отправляются на добычу к Охте или в город. Рано утром из постоянных дворов, точно из редутов, выступает эта братия по Пороховской и Горушинской [(Горушечной)] улицам, направляясь в центр Охты и к Калашниковской набережной. Поздно вечером, после закрытия трактиров и питейных домов, та же братия, не имея возможности укрыться на Охте, направляется обратно в постоянные дворы. К ним примыкают подгулявшие на Охте мастеровые, и на «постоялках» начинаются целые оргии.

– Мы в осаде, – говорят мирные охтяне. – Нам жилось бы много лучше, если бы под боком у нас не было этих редутов.

– Нужно было бы заменить эти «постоялки» разрешенными ночлежными домами, тогда можно было бы вздохнуть спокойнее, – твердят обыватели этой окраины.

Постоялые дворы были необходимы, когда здесь существовала проездная дорога чрез Пороховые [заводы] и дальше до побережий Ладожского озера. Но теперь эта дорога закрыта, а потому исчезла и надобность в этих постоянных дворах, где останавливались обозы. Теперь эти «постоялки» служат только рассадниками пьянства и разврата по ночам.

Охтянин

«Петербургский листок, 5 января 1896 г.

Сонечка в Петербурге (фото из архива семьи Александровых)

И последний штрих из бытовой обстановки вокруг Классонов, у которых подрастала маленькая Сонечка, а в октябре 1896-го Софья Ивановна должна была родить и второго ребенка:

Наступающей весной у нас прибавляется еще одно дачное место – село Колтуши, расположенное в живописной гористой местности (в Шлиссельбургском уезде). Как дачное место оно не было еще известно, в виду отсутствия удобного сообщения. Теперь между Колтушами и Охтой установлено правильное [(регулярное)] сообщение в дилижансах. Подобное же сообщение предполагается установить между Колтушами и станцией Ириновской железной дороги – Щегловым.

«Петербургский листок, 29 февраля 1896 г.

Но вернемся к электрификации, на новой, трехфазной технической базе Охтенских пороховых заводов. Р.Э. Классон, участвовавший в испытаниях передачи энергии реки Неккар на расстояние в 170 км до Франкфурта, путем преобразования ее в электроэнергию на трехфазном токе высокого напряжения, естественно, представлял себе именно такой дальнейшую модернизацию энергоснабжения Охтенских заводов. Здесь новые цеха оказались удаленными от гидросиловой установки до 2-3 километров, и прежними проводочными канатами до них было дотянуться сложно.

В 1895-м на основании предварительного проекта, составленного В.Н. Чиколевым и Р.Э. Классоном, Главная распорядительная комиссия по перевооружению армии разрешила устроить «электрическую передачу движения из турбинного дома в мастерские заводов». Сметная стоимость работ составила 81 тыс. руб. Воздушную линию и механическое оборудование смонтировали хозяйственным способом, а поставки электрической техники и ее монтаж сдали с торгов.

Все поставки оборудования для электростанции и силового хозяйства цехов выиграли фирмы «Эрликон» (генераторы, два динамо-мотора постоянного тока для зарядки аккумуляторной батареи, пара электродвигателей небольшой мощности и дуговые лампы для освещения машзала) и «Шуккерт» и «Сименс и Гальске» (электродвигатели, трансформаторы, распределительные щиты, выключатели, разрядники и прочее).

Последняя фирма располагала самым большим электротехническим заводом в России. Такое распределение заказов позволило снизить стоимость всей установки и достичь наибольшего КПД по машинам.

Вот как выглядел первоначально этот сюжет, сильно сокращенный при редактировании книги Марка Оскаровича Каменецкого «Роберт Эдуардович Классон»:

7 июля 1895 г. на основании предварительного проекта, составленного Р.Э. Классоном и В.Н. Чиколевым, Главная распорядительная комиссия по перевооружению армии разрешила устроить на Охтинском заводе «электрическую передачу движения из турбинного дома в мастерские заводов». Работы по переустройству энергоснабжения завода было решено выполнить следующим образом:

«...а) строительные в здании №217, на сумму 3 215 руб. с торгов; б) устройство электрической части по сметам А и В, за выделением из них воздушных линий, с торгов, при ограниченной конкуренции, с приглашением фирм: Сименс и Гальске, Бр. Гантерт, Шуккерт (инж. Цейтшель), князя Тенишева и К⁰, инж. Подобедова, Износкова-Зуккау и К⁰, Лангензипена и К⁰, Броун-Бовери, Пипера (Международное общество по устройству электроосвещения); в) воздушные провода по смете С – распоряжением хозяйственного комитета; г) механические части заготовить с торгов при ограниченной конкуренции, пригласив к торгам фирмы по усмотрению хозяйственного комитета, а установку этих частей проучить механической мастерской Охтенских заводов. Расход на означенное устройство всего 81 054 руб. отнести на резервный фонд».

*Наибольшую долю составляли электротехнические работы, которые, даже за вычетом воздушной сети, превосходили половину всего объема. Уже в августе состоялись торги по устройству электротехнической части, т.е. по оборудованию электростанции и силового (моторного) хозяйства цехов.**

Были разработаны технические условия, определяющие основные принципы и параметры электрификации завода, которое обоснованы в излагаемой ниже статье Классона [(в журнале «Электричество»)]. По внесенным на торгах предложениям Р.Э. Классон и В.Н. Чиколев дали заключение, сводящееся к следующему.

Шесть конкурентов предлагают систему трехфазного тока в 2 000 вольт, и только один (Международное общество по устройству электрического освещения) – систему постоянного тока в 800 вольт. Из поступивших предложений три не соответствуют техническим условиям и потому должны быть исключены из сопоставления. Это предложение Бр. Гантерт (представителя завода Эрликон), Износкова-Зуккау и Шпана (представителя фирмы Броун-Бовери).

* Почему-то объявление об этих торгах не было напечатано в «С.-Петербургских ведомостях» («великие экономисты» из хозяйственного управления решили сэкономить, разослав лишь письма известным фирмам?), хотя в том же августе появлялись объявления о торгах на строительство каменной конюшни на 30 казацких лошадей, на устройство ватерклозета в колесном домике №5 для рабочих ремонтной мастерской и 300-сильной паровой машины в пироксилиновом отделе, на устройство деревянного отхожего места для рабочих при мастерской сушки пироксилина спиртом в отделении бездымного пороха и т.п.

Наиболее низкая цена (41 266 руб.) заявлена «Международным обществом», однако, так как эта фирма предлагает систему постоянного тока, то стоимость воздушных линий (не включенная в торги) увеличится, и с учетом этого обстоятельства цена, заявленная «Международным обществом», будет разниться только на 1 500 руб., кругло, от цены, заявленной фирмой Сименс и Гальске.

Чиколев и Классон обратились затем к коэффициентам полезного действия машин, гарантируемым участниками торгов.

Коэффициенты полезного действия в %% по проектам Охтенской установки

	Генератор	Трансформатор	Двигатель (в среднем)	К.п.д. всей передачи
Международное общество эл. освещения	91	отсутствует	87	75,2
Завод Шуккерт	92	97	87	76,0
Сименс и Гальске	85,5	96	85	68,2

Примечание: К.п.д. передачи в целом учитывает также к.п.д. воздушной линии – 98% для систем переменного тока и 95% для постоянного тока.

В результате они предлагали: отклонить предложение Международного общества электрического освещения (учитывая, в частности, несколько большую безопасность для порохового производства асинхронных двигателей по сравнению с [искрящими] коллекторными двигателями постоянного тока, а также то, что это общество имеет в Петербурге только представителя без всяких технических средств); разделить поставку оборудования между фирмами Шуккерт (генераторы и «динамомоторы», т.е. одноякорные преобразователи [переменного тока в постоянный], – к.п.д. генераторов этой фирмы был более высоким) и Сименс-Гальске (электродвигатели, трансформаторы, распределительный щит и пр.), располагающим самым большим электротехническим заводом в России.

При таком распределении между фирмами стоимость всей установки, включая воздушную линию и регуляторы к турбинам, составляла 48 134 руб. (против сметной цены в 54 050 руб.), а общий к.п.д. по машинам (без линии) – $0,92 \times 0,85 \times 0,96 = 0,73$.

Предложение Классона и Чиколева было принято хозяйственным комитетом завода, и с начала 1896 г. работы были развернуты и в основном закончены в этом же году. Чиколев к этому времени заболел, и Классон, в качестве электротехника заводов, руководил всеми работами и непосредственно вел монтаж электрических сетей.

А вот что касается строительных работ в здании №217 (в «турбинном доме»?):

Хозяйственный комитет Охтенских пороховых заводов объявляет, что этим комитетом будет произведен 19 сентября сего года, в 12 часов пополудни, один решительный торг, как посредством объявления цен изустно, так равно и в запечатанных пакетах, на производство в Охтенских пороховых заводах по утвержденной Инженерным комитетом смете следующей капитально-строительной работы:

Приспособить здание под №217, для установки электродвигателей [электрогенераторов? – МК] для передачи силы от турбин, на сумму 3 065 рублей.

Лица, желающие принять участие в изустном торге, должны подать в хозяйственный комитет объявление от 10 до 12 часов утра 19 сентября. Все же лица желающие заявить цены в запечатанных пакетах, должны подать или прислать таковые в хозяйственный комитет непременно 19 сентября, к 12 часам дня.

<...> Означенные объявления должны быть написаны во всем согласно 35 и 39 статьям XVIII книги Сводов военных постановлений 1869 г., причем к каждому объявлению должны быть приложены документы о звании просителя и законный залог в размере 20% от суммы подряда по назначенной объявителем сумме.

<...> В помещение комитета будут допускаться только торгующиеся лица и их поверенные, подавшие объявления или залогов, посторонние же лица вовсе не будут допускаться. Кондиции и утвержденные сметы на производство капитально-строительных работ можно видеть и читать в хозяйственном комитете, в присутственные дни, от 10 до 4 часов пополудни.

«С.-Петербургские ведомости», 13, 14 и 15 сентября 1895 г.

Сейчас можно только поражаться, как хозяйственники более века назад внимательно следили за каждым рублем, идущим на строительные работы. Первоначальную сумму в 3 215 рублей они как будто бы перед самыми торгами урезали до 3 065 рублей!

Сей комплиментарный тезис автор написал до того как ознакомился с другим, скандальным сюжетом, после чего резко изменил свое мнение о хозяйственном комитете Охтенских пороховых заводов и чиновниках Главного артиллерийского управления. Р.Э. Классон назвал бы их, по нижеследующему эпизоду, «великими экономистами».

Итак, 25 мая 1896 г. в разделе «Хроника» промелькнула такая «информашка», с претензиями:

Нас просят обратить внимание на бездействии здешней земской управы в отношении починки дороги, идущей от Охты мимо Пороховых заводов и называемую Объезжею. Недавно проложенная, она до такой степени успела испортиться, что по ней невозможно ездить, и все живущие за названными заводами, для которых она устроена, лишены возможности сообщения с Петербургом, особенно ввиду того, что с открытием ее начальство Пороховых заводов не позволяет проезжать по Пороховскому шоссе. <...>

Член С.-Петербургской губернской земской управы И. Аладов, прочитав оную «информашку», с камнем в его и его коллег огород, незамедлительно откликнулся «Письмом в редакцию». Оказывается, что еще в 1892 и 1893 годах Главное артиллерийское управление (ГАУ), желая закрыть проезд по пролегающему через разросшиеся постройки Пороховых заводов Пороховскому шоссе, предлагало земству устроить объездную дорогу от земского Колтушского шоссе до Большой Охты. Губернская управа тогда же составила и препроводила в ГАУ смету и проект Объездной. Однако рачительное ГАУ сию смету урезало и препроводило ее в таком виде в Инженерный комитет Военного ведомства.

Управа была уполномочена губернским земским собранием приступить к устройству Объездной лишь в том случае, если ГАУ испросит Высочайшего повеления на отчуждение полосы земли не менее 11 сажень шириною и внесет в кассу земства 69 тыс. рублей. Однако ГАУ не приняло этих достаточно скромных условий и само взялось (т.е. «хозяйственным способом») устраивать дорогу, по которой теперь перевозит свои грузы. Таковую, не очень прочную Объезжую, земство зачислять на свой баланс и вести ее текущий ремонт отказалось. При этом госп. Аладов не без ехидства указывал на то, что Министр внутренних дел не нашел оснований к отмене постановления губернской земской управы (о чем хлопотало ГАУ).

Возможно, Р.Э. Классон ездил со своей семьей «на природу» по Объезжей (улице Объезжее шоссе) или же по Ириновской железной дороге. К сожалению, этот период отражен весьма скудно в воспоминаниях его сына Ивана (которого тогда не было еще на свете, но он пользовался при этом рассказами отца и матери).

Из семейных деталей была зафиксирована лишь одна, опять-таки весьма скупо: «*На Охте 23 октября старого стиля 1896 года наша мать родила вторую дочь – Татьяну*». Из записей Софьи Ивановны в Familien Stammbuch можно установить не только точное время родов, но и дату крещения – 26 ноября на Большой Охте (правда, в какой церкви, не записано).

Итак, при «электрификации заводов по-новому» была выбрана система трехфазного тока с высоким напряжением в 2 000 и низким в 110 вольт. В проекте приняли отдельные силовую и световую сети, «*но, по желанию, обе сети могут питаться от одной турбины (и одного генератора), что в большинстве случаев и делается во избежание лишнего расхода воды*». Кроме того, требовались повышенные меры предосторожности на электрических линиях.

Р.Э. Классон сразу высказал принципиальное, прогрессивное утверждение, что современная техника дает вполне надежные средства для того, чтобы в отношении токов высокого напряжения опасность была минимальной и не превосходила опасности от многих других технических приспособлений, как-то: канаты, ремни, подъемные машины.

Что касается опасности низкого напряжения, то, добавим от себя, обыватель должен быть защищен от поражения им изолированными проводами, безопасными розетками и т.д. В частности последняя должна иметь такую конструкцию, чтобы любознательный ребенок не мог засунуть в нее проволоку или гвоздь.

Что же было сделано на Охтенских пороховых заводах с точки зрения безопасности? Вот, что касается эксплуатации ЛЭП напряжением 2 киловольт:

Воздушная линия высокого напряжения проходит по всему заводу и тянется на 2½ версты в одну сторону и на 2 версты в другую и третью. Ввиду опасности, которую представляет обрыв проволоки с высоким напряжением, были приняты все меры к тому, чтобы предотвратить разрыв или, по крайней мере, сделать его безопасным для прохожих. Проволока была употреблена кремнистой бронзы с сопротивлением на разрыв в 40-42 кг на мм². Проводимость такой проволоки, несмотря на ее высокие механические свойства, была около 98% проводимости чистой меди.

Провода были протянуты заранее осенью 1895 г. и простояли зиму перед тем, как по ним пустят ток. Случайные слабые места должны были обнаружиться во время морозов, когда линия подвергается наибольшему натяжению. Всюду, где провода проходят над дорогами или вообще над местностью, где ходят люди, под проводами была повешена предохранительная сетка из стальной проволоки, соединенная через столб с землею. Так что провод, не удержавшийся почему-либо внутри сетки и соскользнувший с нее на землю, не представляет уже опасности, если он хотя бы в одной точке касается сетки, а это было обеспечено достаточной шириной сетки.

*<...> Столбы, несущие провода с высоким напряжением, имеют ярко-красный пояс на нижней части, красную верхушку и красный кронштейн для поддержания сетки, так что линия высокого напряжения не может быть случайно принята за линию низкого напряжения. Телефонные линии везде перекрещивались под прямым углом, и под ними протягивались дополнительные сетки, если они шли над проводами высокого напряжения. (здесь и далее цитируется статья Р.Э. Классона в «Электричестве» №19, октябрь, за 1897 г.)**

Сейчас предохранительные сетки под проводами ЛЭП уже не подвешивают: это почему-то стало считаться излишней мерой предосторожности. Если провод все же оборвался, то при его касании грунта или дороги должна сработать защита от «короткого замыкания на землю».

* В том же году в Петербурге была напечатана и брошюра «Электрическая передача силы трехфазными токами на Охтенских пороховых заводах близ С.-Петербурга» (12 стр., без титул. листа и обложки).

Правда, это происходит далеко не всегда... У взрослых должно хватить ума обойти упавший провод и тем самым не попасть под так называемое «шаговое напряжение», а как быть с теми же любознательными детьми? В советское время сей сюжет был отражен в художественном фильме «Опасно для жизни». В общем, оставляем за историками электротехники дополнительно исследовать актуальность сего важного вопроса.

А вот применение на электростанциях такой радикальной меры безопасности в отношении персонала как заземление корпусов оборудования в конце XIX века еще дискутировалось:

В С.-Петербурге на некоторых установках этот вопрос решен в одном, на других – в другом смысле. Например, на Охтенских пороховых заводах корпуса всех генераторов и трансформаторов надежно соединены с землей особыми проводами, а на одной станции в городе (тоже на 2 000 в напряжения), наоборот, трансформаторы ставятся на стеклянные подставки.

Я лично – убежденный сторонник соединения корпуса машин с землей и притом в силу следующих соображений. На станции надо, прежде всего, обезопасить от несчастных случайностей при уходе за машинами. При работе генераторов машинист часто пробует рукой, не греются ли подшипники. Не делать этого он не может. Если изоляция обмотки якоря вдруг в одном месте будет пробита, то корпус примет напряжение соответственного места провода, если он изолирован от земли, и больше не будет никаких явлений, которые могли бы указать машинисту, что произошла порча.

Если пол машинного здания обыкновенный плитный, то при ощупывании подшипников рукой ток из корпуса устремится через руку и тело машиниста в землю, а это может иметь печальные последствия. При соединении корпуса с землей это произойти не может, т.к. провод, соединяющий корпус с землей, представляет гораздо меньшее сопротивление, чем тело человека.

*<...> Когда писались эти строки, в *Elektrotechnische Zeitschrift* от 29 июля 1897 г. появился проект правил, выработанных в Англии особой технической комиссией при Торговой Палате для установок с токами высокого напряжения. Первый параграф этих правил гласит: «Фундаментные болты и корпуса всех генераторов должны быть надежно соединены с землей».*

Последние строки подтверждают, что Р.Э. Классон внимательно следил за иностранной научно-технической литературой. И главным для него было, чтобы техника применялась самая передовая; этого критерия он потом придерживался всю жизнь.

«Водяную силу» он тоже приспособил на новом техническом уровне:

К сожалению, на Охтенском заводе нельзя было применить непосредственного соединения [динамо-машины с валом гидротурбины], преимущества которого перед ременными и канатными передачами бесспорно велики, ввиду того, что турбины уже имелись и по конструкции они были совершенно не приспособлены к непосредственному соединению с динамо-машинами и число оборотов так невелико (50 и 65 в минуту), что динамо-машины пришлось бы заказывать специальных тихоходных типов, которые, как известно, гораздо [массивнее и потому] дороже обыкновенных.

Молодой инженер воплотил изящное техническое решение:

Поэтому динамо-машины приводятся с помощью двойной передачи, сначала канатной от турбин к главному приводному валу, а затем от вала – ременной к динамо-машинам. Приводной вал, расположенный на стене турбинного дома, снабжен муфтами, с помощью которых каждая турбина может вращать не только свою часть приводного вала с соответствующей динамо-машиной, но и соседнюю, так что каждая турбина может вращать любую динамо-машину или даже обе вместе.

Было реализовано и не менее изящное техническое решение по регулированию нагрузки, а также механизирована вся эта процедура:

Соответственно нагрузке меняется и возбуждение, регулирование производится помощью ручного и автоматического реостатов на распределительном щите. Измерение работы генераторов производится ваттметрами, непосредственно показывающими число киловатт, отпускаемых во внешнюю цепь. Кроме того, на каждую цепь поставлены амперметры и вольтметры для суждения о равномерности нагрузки в отдельных фазах. Как известно, для параллельного соединения машин переменного (и трехфазного) тока требуется не только равенство напряжений обеих машин, но, кроме того, одинаковое число перемен^{} и совпадение фаз во времени.*

Для достижения этого на распределительном щите имеется особый «уравнитель фаз», на котором поставлены две лампы, питаемые током от обеих машин одновременно. При несовпадении фаз лампы горят ярко, т.к. у их зажимов имеется достаточно высокая разность потенциалов, равная при полном несовпадении фаз двойному напряжению (трансформированному) каждой динамо-машины.

При совпадении фаз по времени разность потенциалов равна нулю, и лампы тухнут. Если число оборотов, или что то же [самое], число периодов не вполне одинаково у обеих машин, то лампы то загораются, то тухнут. Чем ближе подходят обороты к равенству, тем эти потухания становятся все более медленными и продолжительными, и при полном совпадении периодов лампы вообще потухают. В этот момент включают выключатель, и машины соединены параллельно. Напряжение в машинах теперь общее, и каждая динамо отдает в общую сеть столько работы, сколько ей доставляет турбина.

Увеличивая приток воды в одной турбине и уменьшая его в другой, мы постепенно перемещаем нагрузку на первую, и когда нагрузка второй дойдет до нуля, ее можно выключить. Параллельное соединение машин совершается очень легко и без всяких колебаний в напряжении минут в 5-7, так что переход от одной машины к другой, совершающийся обыкновенно два раза в день, происходит совершенно незаметно.

Я уже упоминал, что турбины остались старые, поставленные в 1868 г., и потому к ним нельзя было предъявлять строгих требований относительно регулирования числа оборотов и высокого к.п.д. Поэтому я на них подробно останавливаться не буду, укажу только на те приспособления, которые пришлось сделать для поддержания нормального числа оборотов. Только большая [мощностью] 250 л.с. турбина [была] снабжена регулировкой числа действующих лопаток. Но она в конструктивном отношении оказалась неудовлетворительной, и вообще ход турбин можно было регулировать только поднятием и опусканием щитов, подводящих воду в турбины.

Далее описывалась механизация регулирования нагрузки турбин и погашения их избыточной мощности при внезапном сбросе этой нагрузки (чтобы они не пошли в опасный разгон). Но детали этого оригинального решения мы приводить уже не будем.

Вскользь заметим также, что молодой инженер описал в этой статье и явление запаздывания фаз, которое сильно понижало вольтаж, из-за так называемого безваттного тока. А последний появлялся при применении, для выпрямления трехфазного тока в постоянный (потребителями последнего являлись аккумуляторные батареи, дуговые лампы и вентиляторы), вращающихся трансформаторов (динамо-моторов) и недовозбуждении обмотки возбуждения этих своеобразных трансформаторов на стороне постоянного тока. В то же время, если осторожно перевозбудить эту обмотку, то безваттный ток производил уже опережение фаз и повышал вольтаж.

^{*} Частота тока, по-современному.

И Роберт Эдуардович сделал ценное замечание:

*При умении пользоваться этим своеобразным свойством синхроничных двигателей [(вращающихся трансформаторов)] можно часто значительно повысить производительность центральной станции и уменьшить вредное влияние на нее запаздывания фаз (см. мою статью в *Elektrotechnische Zeitschrift*, 1897, Heft 19).*

Этот сюжет – целенаправленное регулирование в системах трехфазного тока индукционной и емкостной ее составляющих и соответственно запаздывания или опережения вектора тока от вектора напряжения станет в дальнейшем весьма важным занятием для инженеров-энергетиков. В Приложении «Труды Р.Э. Классона» приводится как в оригинале, так и в переводе с немецкого упомянутая статья, где описывался целый ряд соответствующих экспериментов. По-видимому, Роберт Эдуардович стал первопроходцем в освоении этого актуального направления.

В 1896-м вышла вторым изданием занимательная книга В.Н. Чиколева «Не быль, но и не выдумка. Электрический рассказ». И в приложении к ней были опубликованы несколько тяжеловесные по стилю, в отличие от легкого изложения автора, два трактата молодого соавтора Роберта Классона. Первый трактат именовался так – «Постоянные, переменные и трехфазные токи: их характерные свойства и область применения».

В ней Р.Э. Классон педантично систематизировал недостатки и преимущества различных систем генерации, передачи, распределения и применения электричества. И прочил большое будущее трехфазным токам для генерации, передачи на большие расстояния и распределения больших мощностей:

Настоятельная потребность иметь систему передачи и распределения электрической энергии, соединяющую в себе преимущества постоянных и переменных токов, повела к выработке (почти одновременно несколькими изобретателями) многофазных токов, из которых техническое применение получили главным образом трехфазные токи, далеко, впрочем, еще не достигшие окончательных конструктивных форм.

*Трехфазные токи являются системой передачи силы *par excellence* [(в высшей степени)], при них можно достичь столь же высоких напряжений, как и при [однофазных] переменных токах. При одной и той же потере в проводах вес меди при них на 25% меньше чем при простых переменных токах.*

Двигатели трехфазного тока, при крайней простоте и прочности конструкции, сходны по работе с лучшими шунтовыми двигателями [постоянного тока], но при одинаковых размерах допускают больший перегруз, и скорость вращения их подвержена меньшим колебаниям. Хорошо построенные двигатели трехфазного тока сравнительно больших сил дают высокий коэффициент полезного действия, трудно достижимый в несколько более сложных двигателях постоянного тока. Наоборот, если двигатели очень малосильны (менее двух [лошадиных] сил), преимущество в отдаче на стороне двигателей постоянного тока.

Но это превосходство уменьшается по мере увеличения двигателя, и за известным пределом это соотношение меняется в пользу трехфазных токов. Отсутствие коллектора и щеток позволяет ставить эти двигатели где угодно, не опасаясь искрообразования.

Так же как простые переменные, трехфазные токи могут быть употреблены для освещения, но тут сказывается недостаток этой системы, пока еще не устраненный: для равномерности напряжения во всех трех ветвях и для получения высокого коэффициента полезного действия трансформаторов необходимо, чтобы нагрузка всех ветвей была приблизительно одинакова. Есть уже указания на то, что этот недостаток вскоре будет устранен, но пока с ним приходится считаться, и он служит препятствием к быстрому распространению трехфазных токов.

Минувший 1894 год, впрочем, ознаменовался именно значительным развитием технических применений трехфазных и отчасти двухфазных токов, как в Европе, так и в Америке, которая и в этой области опережает нас.

Подводя итоги, Р.Э. Классон сделал философские обобщения, которые вполне актуальны даже сегодня:

Нельзя говорить, что тот или другой ток выгоднее или лучше остальных, и нельзя резко разграничить область их применения, а надо рассматривать каждый частный случай со всеми его конкретными условиями, взвешивать их относительное значение и на основании этого решать, какой ток и какая система распределения энергии в данном случае наивыгоднейшая.

Техника, а тем более электротехника, не допускает готовых, раз навсегда установленных рецептов, которые быстро становятся оковами при ее непрерывном, поступательном движении или при перемещении ее центра тяжести. В частности в вопросе о сравнительных преимуществах тех или других токов задача электротехников состоит не в пользовании исключительно одним видом электрической энергии в ущерб другим, а в возможном слиянии преимуществ каждого из них помощью легкого и удобного способа превращения энергии из одного вида в другой.

Действительно, более чем за век после публикации этого трактата преобразовательная техника прогрессировала неимоверно (как и трехфазные системы генерации, передачи, распределения и потребления электричества). Например, весьма компактные силовые тиристоры на полупроводниках позволяют с малыми потерями энергии преобразовывать трехфазный ток в постоянный и наоборот.

И потому эта техника может применяться не только на силовых преобразовательных подстанциях (например, под Выборгом при экспорте электроэнергии из России в Финляндию), но и на трансформаторных подстанциях железных дорог, которые хотя и питаются трехфазным током, тем не менее, дают возможность электровозам полноценно использовать преимущества постоянного тока в своих тяговых двигателях.

Благодаря тиристорам здесь же возможна и так называемая рекуперация энергии, когда при торможении электровоза с составом она возвращается в сеть. Инженеры-проектировщики получили возможность комбинировать постоянный и трехфазный токи, чтобы иметь *«наивыгоднейшую систему распределения энергии»*.

Второй трактат, опубликованный в приложении к книге В.Н. Чиколева «Не быль, но и не выдумка. Электрический рассказ» и изложенный инженером-технологом Р.Э. Классоном, был озаглавлен так – «Интересный случай применения электрической навигации». В нем шла речь о том, что вот уже не один год на Охтенских пороховых заводах *«работает, в качестве буксира, небольшая электрическая лодка, приводимая в движение электродвигателем около двух лошадиных сил, питаемым током от 42 аккумуляторов»*.

Далее шло описание «Электрохода». В длину буксир был 30 футов, шириной посередине – 7 футов и 2 дюйма. Аккумуляторы производства El. Power Storage Co на электромеханическом заводе Павла Валя в Выборге были собраны в батареи и размещались в тиковых ящиках, выложенных свинцом. Заводская емкость батареи составляла 140 ампер-часов, но в 1896-м она стала несколько ниже из-за износа аккумуляторов.

Вся батарея весила около сотни пудов. Заряжалась она обычно по ночам, когда «Электроход» находился на территории завода, от сети 110 вольт постоянного тока. Заряд доводил напряжение на клеммах батареи до 105 вольт, после чего она отключалась от сети.

В «Электроходе» могло разместиться 15-18 пассажиров. Но буксир этот был предназначен, в первую очередь, для транспортировки грузов, с максимальной скоростью 10 верст в час и при расходе тока 28 ампер и напряжении на клеммах аккумуляторной батареи 80-82 вольта.

Средний ход составлял 8 верст в час, при токе в 22 ампера. Последний ход применялся наиболее часто для буксировки трех-четырех барок, а при сильном ветре – только двух (высокобортные барки представляли большое сопротивление при встречном ветре). Собственный вес каждой барки составлял около 570 пудов, а груз на ней мог доходить до 400 пудов. В 1894-м «Электроход» перевез 50 434 пуда груза на расстояние 5,3 версты (против слабого течения р. Охты), назад барки шли пустыми.

Далее автор трактата предпринял попытку технико-экономического расчета эксплуатации «Электрохода». При этом он исходил из следующих предпосылок. КПД аккумуляторной батареи был принят на уровне 50%, а цена угля на питание котлов паровой машины для электрообеспечения Охтенских пороховых заводов – 18 коп. за пуд*. Всего на заряд батареи было затрачено 12 072 ампера, а отдача составила соответственно 6 036 ампер.

Исходя из этих данных, Р.Э. Классон получил расход угля на ампер-час – 0,27 килограмма. За сезон 1894 г. машинист «Электрохода» (вернее, смысленный рабочий) получил жалование в 272 рубля. Ремонт лодки стоил 140 руб. 70 коп. В итоге каждый пуд-верста (сейчас на транспорте считают на тонно-километры) обошлась в 0,168 коп.

Но эта цифра мало о чем говорила бы, если бы не было сделано сравнение с конной тягой. Ломовые извозчики тогда брали за перевозку 30-35 пудов в день в среднем 2 руб. 15 коп. Т.е по 6-7 коп с пуда за перевозку по суше на расстояние 5 верст (этот маршрут был чуть короче речного). В итоге ломовые телеги обходились в 7-8 раз дороже услуг «Электрохода».

Правда здесь 27-летний инженер-технолог не учел весомого обстоятельства – на приобретение и оснащение «Электрохода» аккумуляторной батареей и электромотором Государственное артиллерийское управление выложило немалую сумму. И эти инвестиции необходимо было «отбить» в приемлемый срок – скажем за 8-12 лет.

Поскольку Р.Э. Классон не привел стоимости «Электрохода», то поэтому мы не можем и судить об этом достоверно. По крайней мере, буксир на электрическом ходу ежегодно экономил казне 500-600 рублей.

Однако цена «Электрохода» была упомянута в гл. «Электрический экипаж» основного текста книги «Не быль, но и не выдумка». В этой главе В.Н. Чиколев в живой форме диалога со своим французским знакомым, неким господином Г** рассказывал о преимуществах электромобиля перед «паровой трещоткой» и «бензинкой» (и тем более перед конной тягой):

Чиколев. А в городах не проще ли и не вернее ли обзавестись обыкновенным экипажем и лошадкой?

*Г**. А позвольте спросить Вас, почему же Вы сами в одном заводе истратили 4 000 руб. на электрическую лодку и уже четыре года употребляете ее летом для возки грузов водой, а не возите их более простым способом на телегах и лошадях, и лето и зиму?*

Отвечу за Вас: потому что, пользуясь электроходом, перевозка обходится Вам в несколько раз дешевле, совершается быстрее и работает электроход достаточно верно, не так ли?

*Чиколев. Должен сказать Вам, что перевозка обходится приблизительно в десять раз дешевле; насчет верности скажу, что четыре года не было ни одного случая остановки транспортов** из-за электрохода; управляет ходом лодки простой чернорабочий.*

* Отметим здесь, что «технико-экономический расчет» проводился до реанимации гидротурбин и системной электрификации Охтенских пороховых заводов. По-видимому, после реализации последнего проекта работа «Электрохода» стала еще выгоднее по сравнению с ломовыми телегами.

** По-современному, перевозок.

Исходя из приведенной стоимости «Электрохода» в 4 000 руб. и ежегодной экономии для казны 500-600 руб. по сравнению с применением конной тяги в то время, когда Охта и Нева были свободны ото льда, можно утверждать, что данная «электрическая технология» должна была окупиться за 7-8 лет. Вполне приличный показатель для серьезных проектов.

Кстати, «Электроход» был гораздо безопаснее парового катера, из трубы которого искры могли долетать до буксируемых барок, а они, оказывается, перевозили порох (о чем не было упомянуто в трактате, но оставил черновую запись И.Р. Классон)! По-видимому, маршруты перевозки пороха, производившегося на Охте, были маленькой государственной тайной. Ведь если бы террористы разузнали о них, то они могли бы напасть на «Электроход» и отбить взрывчатое вещество под свои антиправительственные цели!*

В январе 1900-го в своем докладе на I Всероссийском электротехническом съезде – «Краткий исторический очерк электрического судодвижения» инженер Н.Н. Константинов упомянул и об «Электроходе»:

Обращаясь теперь к родине электрического судодвижения – России, мы находим, что здесь почти не занимались ими [(после постройки и испытания в 1839 году на Неве профессором Якоби шлюпки с электроприводом и питанием от элементов Даниэля)].

*Сколько мне известно, первая аккумуляторная лодка была построена в 1886 г. по почину В.Н. Чиколева на заводе Гаррут**. Вернее это был приспособленный для электрического движения небольшой деревянный катер, который успешно и безопасно перевозил огнестрельные припасы, главным образом порох, с Охтенского Порохового Завода в Склады, расположенные выше на реке Охте, верстах в четырех. Катер этот и поныне еще несет исправно свою службу, хотя в последнее время переделан почти заново.*

* Сии домыслы автора опровергаются письмом В. Чиколева в редакцию «Электричества», опубликованном еще в №3 за 1894 г.:

В №1 журнала Электричество за текущий год помещена статья о применении электричества к движению шлюпок, имевшем временный характер. В статье упомянуто, что исправная служба этих шлюпок во время выставки в Чикаго составляет важный факт для развития электрического судоходства, доказывающий пригодность его для правильной [(регулярной)] ежедневной службы. Мне кажется, что пример, который я приведу ниже, у нас в России и близ Петербурга, гораздо доказательнее 6-месячного американского опыта. В Охтенских пороховых заводах имеется электрическая шлюпка с 42 аккумуляторными Валя типа T₂₃, емкостью в 145 ампер-часов и работающими с силой тока до 30 ампер, при около 75 вольтах; следовательно электродвигатель Грамма потребляет до 2 250 ватт и развивает механическую работу на валу гребного винта около 2-2½ [лош.] сил. Эта лодка, во все время навигации, за редкими исключениями, ежедневно буксирует 3-4 баржи с порохом, из завода в пороховые погреба Медвежьего стана, на расстояние около 7 верст. Лодка отлично выгребает, даже против сильного ветра, но идет с небольшою скоростью и делает эти 7 верст с баржами около 1½ часа, кроме случая очень сильного противного ветра. Без барж, но с посаженными 15 человеками, она употребляет на эти 7 верст около 50 минут. Лодка, носящая название «Электрохода», работает по перевозке пороха уже 3 года и сейчас находится в полном порядке; никаких случаев или остановок в перевозке, по каким-нибудь причинам, зависевшим от лодки, не было. Применение в данном случае парового катера было опасно, по причине вылетающих из трубы искр и близкого соседства значительных масс пороха на баржах; кроме того, при паровом катере пришлось бы содержать знающего машиниста, а управление «Электроходом» настолько просто, что оно вверено смышленому чернорабочему; только заряжание аккумуляторов лодки производится сведущими машинистами, дежурящими при станции электрического освещения, от которой и пользуются током для заряжания.

** Известный кораблестроитель, академик А.Н. Крылов в своих воспоминаниях приводил слова корабельного инженера-самоучки Петра Акиндиновича Титова – о приятеле последнего Гарруте, который в 1881 г. на своем заводе клепывал металлические листы обшивки для малых подводных лодок системы Джевецкого, на 3 человека, с ножным приводом.

В 1896 году Р.Э. Классон сделал в Офицерском собрании при Охтенских пороховых заводах доклад – с демонстрацией опытов – о новых тогда лучах Рентгена (о чем упоминал Н.И. Языков). В нем он вышел далеко за рамки обозначенной темы и предсказал появление в будущем экономичных люминесцентных ламп. Вначале докладчик так объяснил собравшимся свой «прыжок в сторону лучей Рентгена»:

Я не решился бы выступить со своим докладом перед многочисленной публикой, если бы извинением для меня не служили следующие обстоятельства:

1. Огромный интерес всюду, возбужденный опытами Рентгена.

*2. Отдаленность [Охтенского] завода от города, благодаря которой многие из Вас не могли слушать более интересные лекции в Соляном городке (в Петербурге).**

3. Крайняя специализация нашего времени, в силу которой все мы являемся более или менее узкими специалистами и, при всем желании, не можем следить за успехами знания и техники в других областях. Особенно это заметно в электротехнике, которая так быстро развивается, что даже сами электротехники едва успевают следить за ее успехами. (ф. 9508 РГАЭ)

Соляной городок – это комплекс построек между набережной Фонтанки, Соляным переулком, улицами Пестеля и Гангутской, возведенных первоначально к 1870 году для Всероссийской промышленной выставки на территории, ранее занятой амбарами для соли и вина, и далее перестраивавшихся и расширявшихся для целей «научно-технической пропаганды». В нем, например, располагались Правление, Музей прикладных знаний и Большая аудитория Императорского Русского технического общества.

В апреле 1891 года ИРТО отмечало 25-летие своей деятельности. В докладе секретаря Общества В.И. Срезневского упоминалась и история создания этой фундаментальной площадки:

В былые времена стены здания Соляного Городка служили для складов соли; затем, когда в них миновала потребность для этой цели, здание предполагали превратить в казармы или больницу. Благодаря энергическому содействию покойного герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского Соляной Городок был передан в ведение Технического Общества, которое тогда же получило от герцога кроме того на первоначальное приведение в порядок первое пожертвование в 10 тыс. руб. Тотчас же к участию были привлечены Педагогический музей, пожертвовавший около 60 тысяч, и барон Штиглиц, давший 15 тыс. руб.

* «Более интересной лекцией» могла быть, например, такая:

В большой аудитории [ИРТО] Соляного Городка сегодня [(8 марта)], вечером, была прочитана в пользу Высших женских курсов профессором О.Д. Хвольсоном вторая лекция о резонансе в явлениях световых и электрических. Особенно эффектными вышли опыты Герца, доказывавшие влияние на электрический разряд ультрафиолетовых световых лучей, и свечение гейслеровой трубочки при электрическом разряде. «Новое время», 9 марта 1895 г.

Подобные лекции, уже «О лучах, открытых Рентгеном», проф. О.Д. Хвольсон продолжал читать и в 1896-м: 20 февраля в Соляном городке, с назначением сбора в пользу слушательниц Высших женских курсов; 24 февраля там же, в пользу общества «Детская помощь»; 3 апреля в зале Городского кредитного общества, в пользу ремесленного отделения Общества доставления дешевых квартир, со сборами в 850 руб. А в марте 1896 г. даже вышла брошюра проф. О.Д. Хвольсона «Лучи Рентгена».

Или же такая:

26 января в VI (электротехническом) отделе Императорского Русского технического общества [(в Соляном городке)] проф. Н.Г. Егоров сделает сообщение об опытах с Рентгеновскими лучами. Сообщение будет демонстрировано фотографиями и некоторыми приборами. «Новое время», 24 января 1896 г.

Примерно такие же сообщения проф. Н.Г. Егоров делал 27 февраля и 3 марта в Военно-Медицинской Академии, со сбором в пользу недостаточных студентов и слушательниц Рождественской школы лекарских помощниц и фельдшерниц.

Так что Р.Э. Классон мог иметь полное представление о содержании лекций «своих ученых коллег» и их техническом оснащении.

Но для того чтобы понять, какой ажиотаж вызывали у публики сообщения «о лучах Рентгена», да еще с демонстрацией фотографий, процитируем предварительно некоторые газетные статьи тех лет. Вот публикация «Нового времени» от 25 января 1896 г., о «самой интересной лекции»:

Сегодня вечером [(24 января)] Соляной городок, как с Пантелеймоновской улицы, так и со стороны Фонтанки, находился в осадном положении. Публика сотнями в 8 часов стояла перед дверьми, стараясь попасть на лекцию проф. И.И. Борзмана о Рентгеновских лучах, но получила категорический ответ: «мест нет».

К этому времени в большой аудитории Соляного городка уже заняли места чуть ли не более тысячи человек. На одном стуле помещались по двое, стояли всюду, где только было возможно, и сидели даже на подоконниках и на эстраде, оставив лектору только небольшое пространство. Фотографирование предметов сквозь непроницаемые для света перегородки оказалось очень заманчивым для публики, и лекция, прочтенная завлекательным языком и обставленная массой блестящих опытов, была несколько раз прерываема бурными аплодисментами.

Лекция состояла из двух частей. В первой из них проф. И.И. Борзман познакомил слушателей с гейслеровыми и круковыми трубками и катодными и, наконец, с рентгеновскими лучами. Это была, так сказать, подготовительная часть лекции, из которой присутствовавшие узнали, что лучи, открытые Рентгеном, способны проникать через непрозрачные тела в различной степени. Чем плотнее тела, тем лучи проникают хуже. Это свойство их дало возможность получить отпечатки предметов на фотографической пластинке.

Во второй, и самой интересной для публики, части лектор познакомил с результатами произведенных им в Университетском физическом кабинете опытов. Постановка этих опытов принадлежит лично ему, так как тогда подлинной статьи самого Рентгена еще не было в печати. Он [(лектор)] фотографировал руку, ногу, цепочку, монеты, ключи, ножницы и кошелек с монетами. Отпечатки эти вышли прекрасно и произвели поразительный эффект. Когда появился на экране контур ноги профессора с прекрасно вырисованным скелетом и отпечатками мягких мускулов и тканей, раздались оглушительные аплодисменты. То же было и с отпечатком живой руки и с различными мертвыми предметами.

По мнению лектора, производство этих опытов удивительно просто, что он и доказал, сделав тут же снимок с гребешка, пачки рисовальных кистей, алюминиевой спичечницы и других предметов. Лекция закончилась в полночь. В конце ее проф. И.И. Борзман изложил свою теорию о рентгеновских лучах, но объявил их, все-таки, чем-то еще не определенным и такую материей, сущность которой еще неизвестна.

Иван Иванович Борзман был преподавателем в Технологическом институте, и Роберт Классон мог слушать его лекции, в том числе и по электричеству. А вот публикация «С.-Петербургских ведомостей» о примерно такой же «интересной лекции», за тот же январь 1896-го:

Профессор Военно-Медицинской академии Н.Г. Егоров сделал вчера, 26 января, в аудитории Технического общества [Соляного городка] сообщение об опытах с рентгеновскими лучами. Громадная аудитория и на этот раз была переполнена публикой, с большим интересом следившей за сообщением.

В своем докладе профессор Егоров прежде всего изложил теорию катодных лучей. Вся заслуга открытия этих замечательных X-лучей несправедливо приписывается, по словам докладчика, одному Рентгену: французский ученый Ленар наблюдал их и исследовал еще за несколько лет до открытия Рентгена. Эти лучи по справедливости должны быть названы, таким образом, лучами Ленара-Рентгена.

<...> В заключение своего доклада профессор указал на то, что эти снимки [(в рентгеновских лучах)] в известных случаях могут сослужить службу медицине уже в настоящее время, но что этими легкими результатами не следует увлекаться, а продолжать спокойное, строго научное исследование рентгеновских лучей. Затем были продемонстрированы полученные профессором Егоровым снимки: лягушки, рака, рыб и некоторых неодушевленных предметов.

И, наконец, приведем публикацию «С.-Петербургских ведомостей» о лекции профессора О.Д. Хвольсона:

Большая аудитория Соляного Городка представляла вчера [(20 февраля)] необычайное зрелище: весь зал от начала до конца был битком набит сомою изысканною публикой, среди которой находились многие представители ученого и литературного мира. Столько же публики, не добившись входа в зала, уехало. Вся эта масса собралась на лекцию профессора С.-Петербургского университета О.Д. Хвольсона «О лучах Рентгена». Лектор, познакоив свою аудиторию с понятием о световых лучах вообще, сопровождал свои объяснения целым рядом физических опытов, производившихся ассистентом лектора А.Л. Гершуном. Этому была посвящена вся первая половина лекции. Во второй профессор Хвольсон старался выяснить степень новизны и важности открытия Рентгена.

Невидимые лучи, которые Рентген назвал икс-лучами, известны в физике уже давно. Знаменитый физик Герц получал их из Гейслеровой трубки и так же наблюдал их проникаемость сквозь непрозрачные для нашего глаза предметы. Более поздний ученый Ленард так же известен своими работами над лучами, получаемыми из Гейслеровой трубки, и в этом отношении открытие Рентгена вовсе не является новым. Не представляет новизны так же и другое свойство прозрачных лучей – действовать на фотографическую пластинку.

Но оба указанных свойства лучей, взятые вместе и, таким образом, дающие возможность получения фотографическим путем [изображений] предметов, скрытых в непроницаемых для нашего глаза помещениях, и представляют то великое открытие Рентгена, которое так сильно заинтересовало весь ученый мир.

Как известно, Рентгеновы лучи свободно проходят сквозь дерево, бумагу, алюминий, мышцы, ткани человеческого тела, воду, медь, цинк, ртуть, свинец, золото, платину. Одним из плохих проводников лучей оказывается кость, и на этом уже основалось применение Рентгеновых лучей в хирургии.

<...> Что же касается вопроса о том, что такое представляют собою Рентгеновы лучи, наука до сих пор не добилась никакого ответа, кроме предположения о том, что они по силе своей могут быть отнесены к ультра-ультра фиолетовым лучам. <...>

Из-за громадного интереса публики профессор О.Д. Хвольсон вынужден был повторить свою лекцию в субботу, 24 февраля. Возможно, Роберт Эдуардович побывал на одном из сообщений кого-то из профессоров, чтобы подготовить свое, но в оригинальном ключе, как мы увидим ниже. Аудитория в Офицерском собрании Охтенских пороховых заводов была, конечно же, иная. Здесь, по-видимому, почти не было чувствительных барышень, а больше преобладали работницы с того же пироксилинового завода. Из мужчин присутствовали, возможно, не только в чем-то образованные офицеры, но и менее образованные рабочие. Значит, их реакция была более сдержанной, но, можем предполагать, такой же неравнодушной, как и в Соляном городке.

М. Ф. 1
С не ринимся об известности
своим докладом перед самим
многочисленной публикой своего усту-
паем для меня не случилось сис-
темную обстановка
у огромной интереса Вилья Ваг-
гербильдий адитам Рентгена
Собственно говоря работа от города
благодаря край много у Вас
не много слушать больше интере-
сам лекции в Советом гората
у Крайней электризации камер Фр-
мен в силу край тем мы и в
от более или менее узким электр-
метам и, при всем времени,
не морем, судить за чужакам
двояк и тектони в других об-
ластях. Особенно это заметно в
Анхитрофитам, кроме так обширо
развивается это даже сами электр-
техника едва изобретают судить
за чужакам.
В моем следующем докладе у
Рентгена соединить опыт с опытом
Рентгена с опытом Tesla не только

Первый лист тезисов доклада Р. Классона «Об лучах Рентгена»

После приведенной уже выше преамбулы Р.Э. Классон сделал такое пояснение:

В моем сегодняшнем докладе я соединил опыты с лучами Рентгена с опытами Тесла не только потому, что они получаются при посредстве одного и того же прибора, но и потому, что между ними есть аналогия: лучи Рентгена не действуют на наши органы зрения, токи Тесла не действуют на наши нервы.

А в середине доклада последовали различные объяснения по поводу технической базы опытов:

Опыты Рентгена воспроизводились профессорами Егоровым, Хвольсоном и Боргманом при помощи спирали Румкорфа. Я буду иметь честь воспроизвести их с прибором Тесла, отличающимся от спирали Румкорфа тем, что он дает, во-первых, более высокое напряжение, а во-вторых, и это главное, дает ток, меняющий свое направление огромное число раз в секунду. Я уже упомянул, что эти токи не действуют на организм. Обыкновенный переменный ток оказывает чрезвычайно сильные физиологические действия даже при невысоком напряжении.

<...> Так как все опыты производятся с переменными токами, то нужно было преобразовать наш постоянный ток [в 60-70 вольт], который освещает Собрание, в переменный, меняющийся возможно большее число раз в секунду. Это достигнуто помощью особого прерывателя, вращаемого электродвигателем в соседней комнате. Этот прерыватель разрывает ток около 250 раз в секунду, больше, к сожалению, не удалось, так как искрообразование и теперь огромное.

Этот переменный или, вернее, расщепленный ток поступает в этот большой выключатель, а отсюда в первичную толстую обмотку этого трансформатора.

<...> В нашем приборе во вторичной катушке в 130 раз больше оборотов, чем в первичной, и следовательно напряжение во столько же раз выше. Из большой катушки выходит ток высокого напряжения, который поступает в конденсатор (лейденские банки), заряжает его и потом разряжается через толстую спираль, проскакивая в виде искры между шариками. Искра, которую Вы здесь видели, представляет сложное физическое явление, так называемый колебательный разряд: она состоит из множества искр, перескакивающих взад и вперед между шариками.

Таких искр в секунду проскакивает несколько сот тысяч. Каждый раз, когда проскакивает одна из этих искр, ток в толстой обмотке масляного трансформатора прерывается, и, таким образом, в третичной цепи получается ток, меняющий свое направление несколько сот тысяч раз в секунду. Кроме того, масляный трансформатор, который Вы здесь видите, в свою очередь, в 16 раз повышает напряжение тока, так что в конечном счете (принимая во внимание потери в приборе) напряжение в третичной цепи у разрядника приблизительно в 1 500 раз выше напряжения в первичной цепи.

Так как наш прибор потребляет 60-70 вольт в первичной цепи, то в третичной цепи у разрядника мы получим около 100 000 вольт. Это такое высокое напряжение, что современная техника еще не может с ним справиться и подобные токи не получили еще промышленного применения.

Ну а сами опыты производились с упомянутыми профессором О.Д. Хвольсоном Гейслеровыми трубками:

А теперь позвольте мне показать Вам действие токов высокого напряжения в разреженных газах, так как на этих действиях основаны и опыты Рентгена, и большая часть опытов Тесла. Если мы пропустим электрический ток через трубку, наполненную разреженным газом, то в ней возбуждятся красивые световые явления, характер которых меняется от степени разреженности газа. При упругостях газа в 1/1000 атмосферы получают так называемые Гейслеровы трубки.

А вот и сами опыты:

А теперь позвольте мне показать Вам действие токов высокого напряжения в разреженных газах, так как на этих действиях основаны и опыты Рентгена, и большая часть опытов Тесла. Если мы пропустим электрический ток через трубку, наполненную разреженным газом, то в ней возбуждятся красивые световые явления, характер которых меняется от степени разреженности газа.

При упругостях газа в 1/1000 атмосферы получают так называемые Гейслеровы трубки*. Вы видите в них в них следующие явления.

Действия тока в разреженных газах (Гейслеровы трубки, 1 мм давления):

- 1) Проволока-катод окружена слабым сиянием.
- 2) Темное катодное пространство.

* По современной терминологии – люминесцентные лампы.

3) Светлый катодный слой, от которого к аноду идут лучи, все более и более расплывчатые.

4) От анода идет положительный свет, ряд светлых, параллельных слоев, слегка искривленных.

5) Катодные лучи отделяются от анодных темным промежуточным пространством.

Цвет Гейсслеровых труб зависит от газа:

Водород – красный

Азот – медно-красный

Углекислота – светло-сероватый.

Свечение происходит при низкой температуре.

По мере разрежения отрицательный свет усиливается за счет положительного. Темное катодное пространство становится больше. При очень сильном разрежении получается пучок света – катодные лучи. Положительный свет направляется от анода к катоду.

(Испорченный Крукс.)

При разрежении до тысячных долей миллиметра положительный свет исчезает, и остаются лишь слабо светящиеся катодные лучи, идущие по нормали к катоду. Эти лучи вызывают на стекле фосфоресценцию (флуоресценцию).

Опыты с рубинами и сернистым кальцием. Выделение тепла в месте фосфоресценции. Катодные лучи отклоняются магнитом. Катодные лучи проходят сквозь тонкие слои металла. Ленард*.

Дальнейшее разрежение. Пустота.

После довольно продолжительной методической подводки аудитории к лучам Рентгена Р.Э. Классон сообщил:

Какое же место среди них [(эфирных волн)] занимают лучи Рентгена? Эти лучи интересны для физика не тем, что они действуют на фотографические пластинки, и не тем, что проходят через непрозрачные предметы, и не тем, что не отклоняются магнитом и [мало] поглощаются воздухом, а тем, что соединяют все эти свойства вместе.

Все указанные свойства в отдельности наблюдаются у эфирных волн разной длины, но лучи Рентгена сочетали свойства коротких и длинных волн, и в этом их оригинальность. Сопоставляя свойства лучей Рентгена, физики приходят к заключению, что эти лучи лежат за пределами ультра-фиолетовых лучей, то есть представляют колебания чрезвычайно короткие. Некоторые противоречия в наблюдениях различных лиц объясняются, вероятно, тем, что эти лучи, так же как и солнечные, состоят из целого спектра лучей.

Но демонстраций снимков в рентгеновских лучах «скелетов» и «непрозрачных предметов» затем так и не последовало.

* Немецкий физик Филипп Эдуард Антон фон Ленард (1862-1947), учась в Гейдельбергском университете, вместе со своим школьным учителем физики Виргилом Клаттом исследовал фосфоресценцию. Они обнаружили, что некоторые материалы фосфоресцируют только в том случае, если содержат следы определенных металлов. Занимаясь другими исследованиями, Ленард продолжал изучать фосфоресценцию на протяжении более чем сорока лет. В 1905 г. получил Нобелевскую премию за работы по катодным лучам, заложившим основу теории электронов. – Из Интернета

Зато Р.Э. Классон тут же сделал весьма изящный переход в ту тему, которая, по-видимому, тогда его сильно занимала:

Теперь, господа, позвольте мне перейти к последнему вопросу, к вопросу об освещении в будущем. Все наши источники света, начиная от свечи и керосина и кончая газом и электричеством, крайне не совершенны. Все они не столько светят, сколько греют.

Во всех этих источниках в виде горючего материала расходуется известное количество энергии, которое может превращаться в длинные, тепловые лучи или в короткие, световые. При белом калении источник света испускает наибольшее количество световых лучей. А чем темнее степень каления, тем больше темных, тепловых лучей.

Если мы определим для различных источников света отношение энергии, превращаемой в свет, ко всей энергии, заключенной в теле, то увидим, что в свет превращается:

<i>в свече</i>	<i>около 2%</i>
<i>в керосиновой лампе</i>	<i>около 3%</i>
<i>в газовой горелке</i>	<i>около 3%</i>
<i>в лампе накаливания</i>	<i>5-6%</i>
<i>в лампе с вольтовой дугой</i>	<i>18-19%.</i>

Таким образом, оказывается, что наиболее совершенный источник света нашего времени, лампа с вольтовой дугой, утилизирует менее 20% энергии, расходуемой в ней.

По сравнению с этими источниками свет Гейсслеровой трубки является идеальным, т.к. в ней почти вся энергия, поглощаемая трубкой, превращается в световые лучи. В Гейсслеровой трубке длинные волны электрического разряда перерабатываются в короткие световые лучи. Самая короткая электрическая волна, полученная Герцем, была около 30 см, эти волны все еще в 600 000 раз длиннее световых.

Вопрос о рациональном освещении в будущем может быть решен тремя путями:

1. Достижением более высоких температур каления, при которых очень ярко раскаленные тела будут испускать гораздо больше световых лучей, чем нынешние источники света. Для этого надо найти тело, способное сопротивляться действию таких крайне высоких температур.

2. Переработыванием длинных электрических волн в световые путем [применения] труб с разреженными газами в электростатическом поле.

3. Непосредственным укорачиванием электрических волн до размера световых волн. В этом случае свет распространялся бы непосредственно от источника электрических колебаний.

Интересно, что в феврале того же года, как сообщали «С.-Петербургские ведомости», инженер-капитан Свенторжецкий, в собрании офицеров Генерального штаба Петербургского военного округа, сделал сообщение «Современное состояние электротехники и применение ее в военном деле», в заключение которого «лектор демонстрировал способ электрического освещения по системе американского инженера Тесла, выяснив при этом сущность открытия Рентгена».

Так что Р.Э. Классон был не совсем оригинален в использовании прибора Тесла для демонстрации сущности изобретения Рентгена. С продвинутым в техническом отношении Л.В. Свенторжецким он встретится в 1915 году, когда последний дослужится уже до генерал-лейтенанта, профессора электротехники Николаевской военно-инженерной академии и станет сначала членом, а затем и председателем Особого (в военное время) правления Общества 1886 года.

Заодно оставляем историкам – исследователям светотехники оценить, насколько прозорлив (или нет) был Р.Э. Классон более века назад. По крайней мере, не он один поднимал тему «Рациональное освещение в будущем».

Так, еще в 1891-м в журнале «Электричество» было опубликовано сообщение проф. Л. Никольса «Искусственное освещение будущего», в котором автор тоже критически отзывался о лампах накаливания:

Если рассматривать лампу каления как механизм для производства света, то оказывается, что она дает такого же рода свет, как и первобытные образцы. <...> Правда, что отдача лампы каления постепенно перешла с 5 на 3 ватта на свечу; но те, кому приходилось исследовать прочность 3-х ваттовых ламп, к сожалению, заметили, что такое уменьшение затраты силы способствовало лишь к ухудшению качеств ламп, делая их недолговечными.

И последняя характеристика Р.Э. Классона – инженера, относящаяся к Охтенскому периоду, со стороны того же Н.И. Языкова:

Неутомимость его была поразительна: он не знал отдыха не только на службе, но и дома. По вечерам он много работал по переводам английских артиллерийских журналов для Артиллерийского Управления, прирабатывая этим к своему [первоначальному,] не очень крупному жалованью (97 руб. 33½ коп.) добавочные средства <...>.

Когда Р.Э. собрался уходить с завода в «Общество [электрического освещения] 1886 г.», то начальство очень его отговаривало, обещало прибавку жалования и производство в чин, причем указывало, что, не в пример прочим, он получит 150 руб. в месяц, вместо [нынешних] 137 руб. 33½ коп. [(т.е. годового оклада в 1644 руб.)]. В 1896-м Р.Э. Классон впервые «попал в историю»:

В происходившем 15 ноября заседании членов VI (электротехнического) отдела Императорского Русского технического общества Г. Шведе сделал доклад об иллюминации Кремля, по случаю Священного коронования Их Императорских Величеств. <...>

По просьбе Кишиневского городского головы отделом избрана особая комиссия для рассмотрения и оценки проекта станции электрического освещения гор. Кишинева; в комиссию эту вошли: барон Г.В. Тизенгаузен, Г.К. Скржинский и Р.Э. Классен.

«С.-Петербургские ведомости», 17 ноября 1896 г.

Роберт Эдуардович был уже известен в узкой среде электротехников как опытный инженер, осуществивший вместе с В.Н. Чиколевым «передовую электрификацию» (по трехфазной схеме) крупного предприятия:

На Охтенском пороховом заводе приступлено к устройству электрической передачи силы от водяных турбин в разные мастерские и здания завода. Электрические генераторы устанавливаются для утилизации до 350 сил, развиваемых двумя турбинами, пользующимися падением воды от существующей запруды речки Охты, питаемой также Токсовскими озерами.

Трехфазный ток, напряжением в 2 000 вольт, будет передаваться в разные пункты до 3-х верст расстояния, где будет трансформироваться на 110 вольт и направляться в трехфазные электродвигатели силою от 8 до 100 сил. Часть тока будет трансформироваться динамо-моторами, которые, вращаясь от трехфазного тока высокого напряжения, будут развивать, в особых якорях, постоянный ток малого напряжения, для освещения вольтовыми дугами и для питания многочисленных вентиляторов. Установка производится под наблюдением гг. Р.Э. Классона и В.Н. Чиколева.

К конкурсу были приглашены девять электротехнических фирм, но самым выгодным признано разделить поставку между двумя фирмами: Б.А. Цейтшелю достались генераторы и динамо-моторы, а гг. Сименсу и Гальске – трансформаторы, электродвигатели и распределительный щит.

Все устройство должно быть готово и начать действовать с апреля 1896 года.

«Электричество», 1895, №19-20 (октябрь)

А теперь проследим политическую канву «линии жизни» Роберта Эдуардовича. В ноябре 1893-го он вместе с Я.П. Коробко, как уже упоминалось в очерке «Везение инженера Роберта Классона», допрашивался полковником Шмаковым из Отдельного корпуса жандармов. Допрос производился в рамках дела о рассылке из Петербурга прокламаций «15 апреля 1891 г.» по поводу демонстрации при похоронах писателя Н.В. Шелгунова.

Еще в августе 1893 года был проведен обыск у технолога Льва Петровича Клобукова:

Отрицавший первоначально свою виновность Клобуков дал затем о своей преступной деятельности подробное показание, из коего видно, что находясь на третьем курсе Технологического института, в 1890/91 учебном году, он вступил членом в один из кружков «южно-русского землячества» и, будучи выбран «представителем», собирал на своей квартире товарищей, для чтений по вопросам этики.

Посещая в качестве члена-гостя другие кружки, Клобуков бывал на сходках у студентов <...>, причем перезнакомился с представителями и членами других кружков, между прочим с <...> оканчивавшим курс в Академии художеств Сергеем Серебровским, который пригласил однажды Клобукова к себе для чтения сочинения Туна «о революционном движении в России». На чтение это Клобуков отправился с товарищами своими Робертом Классоном и Яковом Коробко. (здесь и ниже – из документов ф. 102 ГАРФ)*

Как следует далее из жандармского обзора, «все вышеназванные лица обысканы и привлечены к ответственности. <...> По обыску у Классона найдена переписка, свидетельствующая, что он, жена его Софья, урожденная Мотовилова, и Яков Коробко находились в сношениях с русскими эмигрантами в Швейцарии, Аксельродом, Плехановым, Засулич, Ашкинази и др. и что в ближайших сношениях с Классоном, Клобуковым и Коробко находилась жена кандидата С.-Петербургского Университета Ольга Витмер, урожденная Григорьева, участвовавшая так же на сходках для чтения книг по политической экономии».

Как уже упоминалось, Роберт за границей заезжал (без жены, но с Я.П. Коробко) к весьма колоритным представителям группы «Освобождение труда».

И подробности этих контактов стали известны в 1925-м, когда были опубликованы материалы из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча (включая выдержки из протоколов допросов Р.Э. Классона и Я.П. Коробко), а также воспоминания Розы Марковны Плехановой, жены Георгия Валентиновича.**

Лев Григорьевич Дейч, один из основателей группы «Освобождение труда» и редактор сборников этой группы, в 1918-21 годах работал научным сотрудником Историко-революционного архива, по этой линии к нему, по-видимому, и попали бумаги из Департамента полиции Министерства внутренних дел Империи.

* В 1883-м в Цюрихе вышла книга немецкого писателя Альфонса Туна «История революционных движений в России».

** Комитет по увековечению памяти Г.В. Плеханова. Группа «Освобождение труда». Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Под ред. Л.Г. Дейча. Сборник №3, М.-Л., 1925.

Итак, приведем выдержки из показаний Р.Э. Классона и Я.П. Коробко, но не в виде обрывистых и не всегда точных цитат из опубликованных в сборнике №3 материалов группы «Освобождение труда» (1925 год), а в оригинале.

Свидетельствует Р.Э. Классон (из протокола допроса в ноябре 1893 года):

Познакомился я с эмигрантом Аксельродом в г. Цюрихе при следующих обстоятельствах. В августе 1892 года я взял отпуск у инженера Линдлея, на службе у которого я находился в течение моего двухлетнего пребывания за границей, и поехал с женою в Швейцарию, в Лозанну, где жила со своими детьми родственница (жена брата) моей жены, Алина Антоновна Мотовилова.

Жена моя ждала разрешения от бремени и приехала для родов в Лозанну. Прожив около трех недель с женою у ее родных, я поехал назад во Франкфурт. По дороге я осматривал фабрики и заводы Швейцарии и, между прочим, заехал на два дня в Цюрих, чтобы осмотреть электротехнический завод Эрликона, близ Цюриха, и завод Эшер и Висса.

<...> Я знал, что в Цюрихе живет эмигрант Аксельрод и что всякий почти русский, проезжая через Цюрих, заходит, чтобы на него посмотреть. Мне, конечно, захотелось увидеть и поговорить с человеком, о котором приходилось иногда слышать в разговорах студентов, тем более что я не видел ничего преступного в подобном посещении. Со мной был тогда товарищ мой Коробко, который по моему приглашению приехал во Франкфурт и вместе со мной путешествовал по Швейцарии. Аксельрод жил тогда на даче около Цюриха в Аффольтерне, куда мы и без того собирались заехать посмотреть красивую природу. Аксельрод жил, видно, в крайней бедности. Наше посещение его не удивило, так как к нему часто заезжают русские.

Он расспрашивал нас обо всем, что делается в России, но не остался доволен нашими ответами, так как мы говорили, что в России всякая нелегальная деятельность прекратилась и что о ней мечтают только студенты младших курсов. Теоретические разговоры наши, преимущественно на тему в каком направлении пойдет развитие России и Западной Европы, ни к чему не привели. Каждый остался при своем мнении, так как его революционная точка зрения существенно отличалась от нашей эволюционной, по которой роль личности ничтожна перед естественным прогрессом общества. Так как он произвел впечатление человека умного, то мы оживленно спорили, и разошлись, не убедив друг друга. Никаких практических разговоров у нас не могло быть, и он не мог с нами говорить, иначе как с любопытными туристами.*

Другая встреча произошла тогда же в окрестностях Женевы, куда я ездил к своей сестре (вышедшей замуж за доктора Кристиани при Женевском университете). В Морнэ, около Женевы, жили Вера Засулич и Плеханов, и на них ездят смотреть толпами, как русские, так и иностранцы. Это так близко (на конке) от Женевы, что мы тоже поехали смотреть. Впечатление получилось совершенно неожиданное, так как с именем Засулич соединялось понятие о молодой, экзальтированной девушке, а встретили очень некрасивую старуху, живущую в такой грязи и нищете, что ничего подобного мы не видали раньше. Там же жил и Плеханов.

Тут разговор принял иронический характер, нас коробила обстановка, а Плеханову, видно, не понравились наши взгляды и то, что мы не знакомы были с его сочинениями, а потому просили высказать его программу. Разговор сошел на их действительно нищенское житье, и Плеханов заявил, что русская интеллигенция должна бы высылать деньги из России на их содержание.

* В упоминавшемся ранее жандармском обзоре фиксировалось, тем не менее, что в 1892 г. к дознаниям было привлечено 619 «государственных преступников», в 1893-м – 568.

От нас лично он не просил денег и, конечно, не получил бы их даже в случае просьбы, потому что у нас деньги были в обрез на возвращение. Вообще, мы на вопрос о деньгах, как крайне щекотливый, больше отмалчивались.

<...> С Аксельродом я встретился еще один раз в Цюрихе, весной этого года, но видел его лишь мимолетно, так как очень спешил и был в Цюрихе лишь несколько часов на заводе Эрликон, по поручению Линдлея. На этот раз я был один, и благоприятное впечатление, произведенное на меня Аксельродом при первом посещении, рассеялось. Он, вероятно, увидел, что пользы ему от посещения моего не будет, и потому был наружно любезен, но уже не поднимал теоретических вопросов, а говорил о совершенно посторонних вещах, видимо только из приличия.

Расстались мы холодно, и больше я о нем ничего не знал. Холодность свою он скрывал под видом любезности, познакомил меня со своей семьей, но говорил уже совершенно другое, чем при первом свидании. Так, я был удивлен, когда он стал доказывать, что теперь в России надо совершенно оставить прежние революционные замашки, а надо поднимать культуру народа и заботиться о его просвещении – словом, на этот раз он повторял все то, что мы говорили ему при первом свидании. Когда он говорил искренно, первый или второй раз, не знаю.

Все это я подробно описывал жене, которая была в Лозанне и никого из эмигрантов не видела. Во-первых, потому что совершенно не интересовалась ими (не имея кружкового прошлого и соответствующих воспоминаний), а во-вторых, потому что не могла сопровождать меня, будучи занята то родами, то уходом за ребенком и собственной болезнью.

Писал же я ей об эмигрантах потому, что ей интересно было знать, как они мне нравятся, и еще потому, что я жене писал решительно обо всем, интересно или не интересно для нее, просто по привычке сообщать ей все.

Что касается до моей переписки с г. Ашкинази, то это редактор отчета по франкфуртской электротехнической выставке, инженер, богатый домовладелец, живущий во Франкфурте вероятно больше 20 лет, прусский подданный.*

Вот все мое знакомство с эмигрантами. Могу прибавить, что если бы у меня была хоть тень нелегальной деятельности и если бы я придавал малейшее значение моим посещениям, то наверняка я не привез бы с собою в Россию моей переписки с женою, которая представляет ведь самую биографию, так как от жены я уж конечно ничего не стал бы скрывать и писал совершенно откровенно. Еще могу прибавить, что посещение Плеханова было раньше посещения Аксельрода.

Следом полковник Шмаков из Отдельного корпуса жандармов допросил и Я.П. Коробко (обвиняемого, в отличие от пока «свидетеля» Р.Э. Классона, уже в «государственном преступлении»!). Здесь мы приведем выдержки из стенограммы допроса только в части, касающейся его визитов вместе с Р.Э. Классоном к «видным эмигрантам» и перспектив ареста последнего по возвращении в Россию:

* Действительно, в уже цитировавшихся публикациях журнала «Электричество» за 1891 г. (посвященных Электротехнической выставке) давалась такая информация по сему сюжету:

«На днях вышел также составленный г. А. Аскенази каталог выставки, весьма добросовестный и полный. Первая часть его (215 стр.) содержит короткое изложение истории выставки, список членов выставочного комитета и членов жюри. Затем следует собственно каталог (165 стр.), дающий раньше все экспонаты в алфавитном порядке (с описанием, где они находятся), затем в порядке их нумерации и, наконец, по отдельным павильонам. До сих пор включены 394 экспонирующие фирмы; многие из них составляют более 100 номеров; число это еще увеличится, когда 15 июня откроется технический отдел. В прибавлении к книге даны: описание мастерских, описание устройства освещения выставки, описание паровых машин, котлов и динамо и, наконец, план выставки».

<...> Из Лозанны мы ездили в Женеву и оттуда в то место, где живут Плеханов и Вера Засулич. О пребывании этих двух эмигрантов около Женевы мы узнали, если не ошибаюсь, у Водена, который в это время так же был в Швейцарии. Посещение эмигрантов мы предприняли с тою же готовностью, как и другие развлечения туристов, как любопытство ко всякой редкости, которую возможно увидеть только за границею.

Приехав к Плеханову, мы с ним вели разговоры о темах, что он думает относительно прогресса России. Я, не будучи знаком с его литературою, в разговоре с ним попадал несколько впросак, так что не думаю, чтобы впечатление, произведенное на него мною, было благоприятное. Кроме того, ввиду несогласия наших взглядов на вещи и ввиду того, что это несогласие было крайнее, я впал в критический тон.

Этот тон ему не понравился. Особенно критически я отнесся на предложение Плеханова достать денег для издания нового журнала «Социал-демократ», который он нам показывал. В разговоре с ним меня удивило то, что он обращается ко мне с вопросом о деньгах, но потом выяснилось, что с такими вопросами он обращается и к другим. Повторяю, что свидание с Плехановым и Верою Засулич носило только характер интереса к тому, как живут русские эмигранты за границей. Поэтому и разговор, исходивший из нашей инициативы, направлялся больше на расспросы о их жизненной обстановке.

Из Женевы мы вернулись обратно в Лозанну. Время ввиду его недостатка, так как Классон спешил обратно во Франкфурт, мы расположились так, чтобы на возвратном пути нам можно было посетить Фрибург, Цюрих, Люцерн и Шофгаузен. <...>Мы начали осмотр Цюриха самостоятельно, но так как к числу достопримечательностей относился и Аксельрод, то мы не преминули возможности посмотреть на него.

Зная, что Аксельрод содержит кумысное* заведение, мы разыскали его, где нам сказали, что он живет не в Цюрихе, а в водолечебном заведении, на расстоянии часа езды от Цюриха. Мы поехали туда и, найдя его, рекомендовались так, что мы интересовались бы с ним познакомиться, ввиду его такой якобы известности. Приняты им мы были очень любезно, а главное он нисколько не был удивлен, что два русских приехали к нему познакомиться. Оказалось потом, что подобные визиты он получает довольно часто и со всяким свежим человеком не прочь потолковать.

Разговор с Аксельродом был в том же духе, как и с Плехановым, хотя Аксельрод гораздо приветливее и потому от него приходилось больше выслушивать, чем сообщать. Хотя он нас расспрашивал о петербургской жизни, о студенчестве, о голоде, но ни о каких практических вопросах, касающихся какой бы то ни было деятельности в России, не говорили, подразумевая, конечно, здесь его деятельность нелегальную.

Что касается фразы из письма Классона [жене] о практических вопросах, то относительно ее я недоумеваю. Впрочем, насколько я припоминаю, вопроса о практических действиях мы касались, но тогда, когда разговаривали о передаче орудий труда в руки работников. О постепенном усилении германской социал-демократии мы действительно говорили и касались вопросов о практическом переходе средств производства в руки производителей.

Может быть и то, что Классон под этой фразой понимает практическую деятельность русского интеллигентного человека, как устройство всякой школы, вроде воскресных, приходских, технических, устройств библиотек и прочее. Вообще, я не знаю, что под этим вопросом подразумевал Классон, но думаю, что тут ничего нелегального нет.

* Кефирное. – Уточнение Л.Г. Дейча при публикации «Показаний «знатных путешественников»».

<...> Что касается письма жены Классона, в котором она пишет, что я и «О.К.», то есть Ольга Константиновна Григорьева, звали его в Россию для чего-то мифического и что по приезде в Россию с ним могут случиться какие-то неприятности, то на это точных объяснений я не могу дать, так как письмо писал не я и о существовании его даже не знаю. Приглашать в Россию Классона я действительно приглашал.

Может быть и «О.К.» тоже приглашала, мне это неизвестно. Но что касается бо-язни мифического несчастья, которое якобы постигнет Классона по приезде в Россию, то это я могу объяснить только тревогой любящего сердца.

Зная своего мужа как человека увлекающегося, она вероятно кроме того была напу-гана в России тем, что очень многие попадают в нелегальной деятельности, и рас-строила себя так, что в дружеском письме к близкому человеку высказала трогатель-но горькие слова о будущей судьбе своего супруга. Но все это мне представляется не-обыкновенно фантастичным, и серьезного значения я этому никакого не могу придать.

Через некоторое время полковник Шмаков повторно допросил и Р.Э. Классона (как уже обвиняемого в «государственном преступлении»!):

Я не признаю себя виновным в принадлежности к какому-либо тайному революцион-ному сообществу. В Августе месяце прошлого года я получил отпуск от инженера Линдлея, у которого служил, и отправился с женою в Швейцарию, в Лозанну. Целью на-шей поездки было желание посетить жену брата моей жены, Алину Мотовилову, про-живавшую в Лозанне, причем моя жена должна была остаться у Мотовиловой для ро-дов, я же должен был вернуться обратно во Франкфурт-на-Майне для службы. Из Ло-занны мы с женою поехали в горы Ormonts, а оттуда возвратились в Лозанну.

Недели три спустя после прибытия в Швейцарию я поехал в Женеву навестить се-стру Кристиани и пробыл в Женеве два дня. Надо заметить, что летом 1892 г. я писал товарищу своему Коробке, приглашая его приехать во Франкфурт для ознакомления с техникой заграничных заводов. Решив с женой отправиться в Швейцарию, я написал Коробке письмо, прося его приехать в Лозанну и посмотреть с нами Швейцарию. Ко-робко приехал в то время, когда мы были в горах, и вернулся с нами в Лозанну, а затем вместе со мною съездил и в Женеву.

На следующий день по прибытии в Женеву поехали в Морнэ посмотреть Плеханова и Засулич, живших там. О месте пребывания Засулич я узнал от Водена, бывшего сту-дента С.-Петербургского университета, живущего то в Женеве, то в Лозанне и посе-щавшего Мотовилову. Цель посещения Плеханова и Засулич было исключительно лю-бопытство. Плеханов нашему посещению не удивился, так как привык к посещениям.

Пробыли мы у Плеханова часа три-четыре, причем кроме нас было там несколько русских студентов, в том числе один дрезденский студент. Из них я узнал фамилию лишь дрезденского студента – Лебедев. Плеханов нас расспрашивал о положении рево-люционной деятельности в России. Мы с Коробкой объяснили, что, насколько мы знаем, нелегальная деятельность прекратилась и высказали, что, по нашему мнению, она не-возможна за отсутствием реальной почвы.

Из слов Плеханова мы могли заключить, что положение России ему совершенно не-известно, и разговор касался и личной его жизни, и мы расспрашивали его о его взглядах на экономическое и политическое положение не только России, но и Европы, причем вы-яснилось, что и он очень не социалистически смотрит на экономическое развитие Рос-сии. Посещение Плеханова и Засулич ограничилось одним вышеописанным случаем.

Из Женевы мы вернулись в Лозанну, где пробыли несколько дней, а затем поехали че-рез Цюрих во Франкфурт. <...> Причина нашего посещения Цюриха была – осмотреть заводы Эрликона и Эшер-Висса, а у меня кроме того было поручение от председателя электротехнической выставки во Франкфурте к профессору Веберу.

Аксельрод, так же как и Плеханов, не удивился, а даже обрадовался нашему посещению, так как ему видно давно надоели цюрихские русские. И он рад был свежим людям, особенно Коробке, как недавно приехавшему из России. Вопросы он предлагал те же почти, что и Плеханов, то есть, как обстоит революционное дело в России.

Не верил, когда мы говорили, что таковой деятельности почти нет, и что она не имеет никаких видов на успех, так как у нее нет реальной почвы под собою, при неразвитости народа. Он не разделял наших взглядов, не придавая такой большой цены экономическому развитию страны.

Разговор наш вращался как около чисто теоретических вопросов, так и более практических, именно о том, при каких условиях деятельность интеллигентного человека будет полезна стране.

Как видно из моего письма [жене] о втором посещении Аксельрода, мы не сошлись во мнениях, так как мы выставляли на первый план газеты, школы и вообще поднятие народного образования, а он – пропаганду. Это выяснилось только к концу разговора на другой день, а сначала он поддакивал, когда я говорил об открытии через несколько лет журнала или газеты, которые должны были разъяснить нашему обществу значение общественных явлений и освещать ход исторического развития с точки зрения экономического материализма. Об этом намерении я почти ни с кем не говорил, ввиду того, что это должно было произойти только через несколько лет после того, как я достаточно ознакомлюсь с историческими фактами.

Так как Коробко считал себя не способным к литературной деятельности, то я с ним об этом почти не говорил. Жена знала, что я об этом мечтал, но перед отъездом [из Лозанны] я с ней об этом не говорил, так как она всецело была поглощена предстоящими родами. Когда мы переписывались с Тепловым из Франкфурта*, он между прочим писал, что мы из [нашего] знакомства можем извлечь и практическую пользу, именно: можем помогать друг другу, меняясь книгами и собственными наблюдениями над европейскою жизнью. Так как я рассчитывал пробыть еще довольно долго за границей, а покупать книги можно лишь в ограниченном количестве, то я конечно согласился на это.

Не найдя в Цюрихе Теплова, я рассердился, так как мне досадно было, что он сам же убеждал меня в пользу нашей встречи, а потом уехал со своею невестою в горы, не дождавшись меня. Я тогда решил не входить с ним в близкое знакомство, а мыслью обмениваться книгами и собственными мыслями [от наблюдений за европейскою жизнью] – воспользоваться.

Но избрав другого сотрудника, более развитого и образованного, судя по его возрасту, чем студент одних со мною лет. Таким сотрудником мне представился Аксельрод, я сказал об этом Коробке. Он не обратил тогда на мою мысль внимания, но сказал, что с Аксельродом это лучше устроить, чем с Плехановым, так как Аксельрод состоятельнее, имеет кое-какие книги и вообще «жид» практичный.

Разговоры об этом предложении вести не пришлось, так как Аксельрод на второй день уже не поддакивал, а говорил о необходимости пропаганды, и мы не сошлись во взглядах. Мы все-таки разошлись довольно дружелюбно, так как он произвел впечатление человека умного и даже искреннего. На противоречие между его поддакиванием нам в первый день и выставлением своих собственных взглядов во второй день я тогда не обратил внимания, думая, что он просто из вежливости соглашался с нами.

* Этот персонаж, студент цюрихского политехникума, ранее упоминался в показаниях Р.Э. Классона и Я.П. Коробко, а перлюстрированная полицией переписка П.Ф. Теплова (Цюрих) и его невесты Л.К. Агринской (С.-Петербург) приводилась в очерке «Везение инженера Роберта Классона».

<...> Во второй раз я виделся с Аксельродом весною этого года. Я опять был на заводе Эрликона по поручению Линдлея и потому остановился в Цюрихе на несколько часов. Я опять зашел к Аксельроду и видел перед тем Теплова. <...>

Между прочим он сообщил мне, что Аксельрод говорил ему, что у него, Аксельрода, есть какой-то интересный знакомый в России, с которым, по мнению Теплова, хорошо бы мне познакомиться и познакомить знакомую Теплова – Григорьеву.

Когда я сказал Аксельроду об этом, в конце разговора о культурной деятельности, затеянным им же, то он сначала сказал: «хорошо, хорошо», но тотчас же, как будто спохватился и на мои расспросы – кто этот господин, где он и что он из себя представляет – ответил уклончиво, говоря: «вот познакомитесь, узнаете». Ни Теплов, ни фамилии этого господина не знали, так как Аксельрод не говорил ее никому из нас.

Не желая видно мне прямо отказать, он стал меня уверять, что адрес его где-то спрятан, а ключи от комнаты, где должна лежать его записная книжка, у жены. Впечатление получилось такое, что он и не хотел его находить, так как все время повторял: «да зачем Вам адрес, может быть, Вы где-нибудь случайно с ним встретитесь». Я ему указал на нелепость такого предположения, и он ничего не смог возразить. Кончилось тем, что он адреса не нашел, и я уехал, рассердившись на него за видимое недоверие ко мне.

В этих показаниях, кроме «экскурсии к Аксельроду и Плеханову с Засулич» главное то, что Р.Э. Классон и Я.П. Коробко ратовали за повышение образовательного уровня народа и эволюцию общественного устройства, а «освобожденцы» – за нелегальную пропаганду и революцию. Но с изданием легального журнала или газеты у Роберта Эдуардовича так ничего и не получилось. Кроме того, возьмем на себя смелость предположить, что «интересный знакомый Аксельрода в России» – это В.И. Ульянов-Ленин. И они встретились в Петербурге, в феврале 1894-го (см. ниже).

В том же ноябре 1893-го полковник Шмаков привлек к дознанию и жену Роберта (в качестве обвиняемой в «государственном преступлении»!):

Я не признаю себя виновной в принадлежности к какому бы то ни было преступному сообществу и никогда не находилась в сношениях с лицами, заведомо для меня занимающимися противозаконной или противоправительственной деятельностью. Я познакомилась с моим мужем приблизительно в 1887 или 1888 году, через моих знакомых однокурсниц, и ни о какой предосудительной деятельности моего мужа ни до моего замужества, ни после такового я до настоящего времени не имею никакого понятия.

О сношениях мужа моего с русскими эмигрантами во время бытности нашей за границей я знаю лишь из его писем, соответственно ни с кем из эмигрантов не знакома и даже не видала их в лицо.

Жила я в Лозанне у жены моего покойного брата Алины Антоновны Мотовиловой, к которой приехала из Франкфурта перед тем, как у меня родилась дочь, чтобы иметь помощь во время родов. Помощи этой во Франкфурте у меня не могло быть, так как я там не имела никого знакомых. В Цюрихе я была только проездом и никого из русских эмигрантов там не видала. Знакомству моего мужа с эмигрантами я не придавала никакого преступного значения, иначе я наверно не только не привезла бы писем мужа, в которых говорится об этом знакомстве, но и вовсе не сохранила бы их.

В том же месяце полицейские из С.-Петербургского охранного отделения нагрянули на квартиру супругов Витмер, но «ничего явно преступного не обнаружено».

*Ольга Константиновна Григорьева-Витмер
(из альбома С.И. Мотовиловой-Классон)*

Следом полковник Шмаков допросил подругу С.И. Мотовиловой-Классон – О.К. Григорьеву-Витмер (опять же в качестве обвиняемой в «государственном преступлении»!):

С Робертом Классоном и Яковом Коробкой я познакомилась через Льва Клобукова во время пикника, года четыре тому назад. С тех пор Классон и Коробко бывали в нашем семействе. Через год после нашего знакомства нам приходилось собираться друг у друга, для совместных чтений разных дозволенных цензурой книг по политической экономии и истории первобытной культуры. На этих чтениях присутствовали: я, Классон, Коробко и Крупская Надежда Константиновна, подруга моя по гимназии.

<...> Перед отъездом [за границу, после случившегося у нее обыска в начале 1892 г. и ее исключения из Высших женских курсов] Агринская спрашивала, нет ли у меня знакомых русских за границей. Я ей назвала Классона и сообщила его адрес. При этом в разговоре с Агринской я характеризовала Классона как человека образованного и передового образа мыслей, интересующегося теорией экономического материализма.

<...> О посещении своем Плеханова и Веры Засулич Классон, а также и Коробко мне ничего не говорили. Во время проживания Классона во Франкфурте я состояла с ним в переписке как с знакомым. При этом я иногда советовала ему возвратиться в Россию и делала это лишь из желания видетсья с ним. Никакого дела ни с Классоном, ни с Коробко я не собиралась вести.

В своих письмах Классон высказывал намерение заниматься научной литературой и поместить какую-то статью в одном из ежемесячных журналов, издающихся в России. Я в своих письмах поощряла стремления Классона в этом направлении.<...>

В том же ноябре 1893-го Департамент полиции получил письмо от шефа Жандармского управления:

<...> у Инженеров-технологов Роберта Классон и Якова Коробки 5 сего Ноября были произведены обыски, причем в препровожденной С.Петербургским охранным Отделением переписке упомянутых лиц ничего, имеющего значения для дознания не обнаружено, вследствие чего Классон и Коробко 5 и 6 Ноября были допрошены по делу в качестве свидетелей.

Между тем 9 сего Ноября Департамент Полиции препроводил мне несколько писем, отобранных по обыску у Классон, из которых усматривается, что как последний, так и Яков Коробко находились в сношениях с русскими эмигрантами в Швейцарии.

Для выяснения характера этих сношений Классон вновь был допрошен 12 сего Ноября в качестве свидетеля. Но ввиду того, что он не дал вполне ясных и категорических объяснений по поводу тех «практических вопросов», которые он предполагал «уладить» с Аксельродом, о чем говорится в письме Классона к его жене от 19 Апреля 1892 г., супруга Классона и Яков Коробко привлечены к дознанию в качестве обвиняемых и для пресечения им [(Классоном)] способов уклоняться от следствия и суда впредь до решения дела отданы под особый надзор полиции<...>.

Поэтому полковнику Шмакову пришлось повторно допросить Р.Э. Классона в январе 1894 г., добываясь от него «адресов, паролей, явок» по приведенным в письмах, отобранных при обыске 5 ноября 1893 г., «шифровкам подозрительных персонажей». Частично его показания мы уже приводили, в отношении «малого ребенка Водена», в очерке «Везение инженера Роберта Классона». Из протокола допроса:

<...> Письмо от 19-го Сентября 1892 г. писано мною из Цюриха моей жене. Упоминаемый мною пессимистический взгляд Аксельрода, совпадающий с моим, есть мнение, что в России, по историческим условиям, прекратилось всякое революционное движение и что ждать его невозможно.

Под «теоретическими вопросами» я разумел политико-экономические условия развития как западно-европейских государств, так и России. Под «практическими вопросами» я понимал обмен книг, путем пересылки их по почте, а также сношения письмами по вышеуказанным мною теоретическим вопросам. <...> По прибытии в Петербург, до поступления в пороховой завод, я усиленно посещал своих прежних знакомых как для того, чтобы увидеться с ними, так и для того, чтобы уяснить себе господствовавшее направление в обществе и литературе. Под выражением в письме от 3/15 Июня 1893 г. из Петербурга [жене в Лозанну] «подготовительный период» я разумел фазис мирного развития, без резких изменений общественного организма.

<...> По отъезде моем за границу Коробко и Григорьева писали мне письма, в которых просили возвратиться, говоря, что мое присутствие [в России] будет им полезно в смысле выработки идеала общественной деятельности путем совместных занятий. Становиться на путь нелегальной деятельности мы не предполагали, и вопрос этот был решен в отрицательном смысле еще во время моего пребывания в России.

Узнав во Франкфурте, из письма Коробка или Григорьевой, об аресте по политическому делу моего товарища Бруснева, я передал об этом жене, которая в свою очередь сообщила в письме Мотовиловой, жившей тогда в Швейцарии, так как я был с Брусневым в хороших отношениях. Мотовилова о всем этом рассказала Водену, который имея привычку все преувеличивать, стал утверждать, что после ареста Бруснева и мне нельзя вернуться в Россию, потому что и меня арестуют за такое знакомство. Тогда как я должен сказать, что мне до сих пор ничего не известно о нелегальной деятельности Бруснева. Вот об этом-то именно обстоятельстве и говорится в письме Мотовиловой к моей жене от 31 Июля 1892 г.

<...> Письмо от 17/29 Сентября относится к 1892 г. Жена моя советовала Водену подарить Вере Засулич ложку или чайник ради шутки, ввиду того, что у Засулич была одна ложка на всех, а вместо чайника употреблялась какая-то жестянка. <...>

<...> В заключение моего показания заявляю, что мои посещения Плеханова, Засулич и Аксельрода обуславливались исключительно одним любопытством и что я как теперь, так и тогда был совершенно чужд всякой нелегальной революционной деятельности.

В ф. 102 ГАРФ хранится четвертушка бумаги с заголовком «Переписка, отобранная у инженер-технолога Роберта-Артура Эдуардова Классона» и такими пометами «2/XII 93, смотри стр. 97 сего дела», «18 VI 1920 Конверт без содержания». По-видимому, после закрытия дела Р.Э. Классон добился возврата ему этих бумаг. А затем он, скорее всего, письма уничтожил – чтобы больше полицейские не могли их перелистывать и вчитываться в семейные истории.

В сборнике №3 группы «Освобождение труда» приводились весьма субъективные воспоминания жены Г.В. Плеханова, Розы Марковны – “Наши встречи со «знатными путешественниками»”:

Господин Классон, предприимчивый, способный, пользовавшийся влиянием в радикальных кругах молодежи человек, явился в Морнэ к Плеханову и Засулич в начале мая 1892 г. Он был снабжен рекомендациями от А.Н. Потресова и П.Б. Струве.

Своей внешностью и интеллигентным лицом он произвел выгодное впечатление на морнэйских изгнанников. Его свободная, слегка светская манера держать себя понравилась Вере Ивановне и Георгию Валентиновичу. Всеми нами ему оказан был очень радушный прием. Между основоположниками марксизма в России и молодым их последователем сразу завязался простой, откровенный, полный глубокого интереса разговор.

<...> В Морнэ Классон рассказывал об успехе марксистских идей среди русской интеллигенции и рабочих, говорил о выдвинутых проповедью марксизма борющихся силах. Г.В. и В.И. с интересом слушали, расспрашивали его и в свою очередь высказывали собственные взгляды на задачи социал-демократической партии в России. Помню, как В.И. с не перестававшей дымиться папироской, с блестящими от радости глазами, слушая его сообщения, отпускала меткие характеристики людей и положений. Она, можно сказать, искрилась.

<...> В свою очередь Г.В. отдавался своей натуре: он блистал знаниями, остроумием и свойственной ему ясностью мысли. Это настроение проявлялось у него далеко не при всяком посетителе.

Классон, видимо, был тронут, восхищен этими людьми и оказанным ими ему приемом. Его восторженным отзывам о них не было границ: «Наш Олимп», «морнэйские философы», «наши учителя».

Помню, на совет ему Г.В. быть осторожными во время приездов в Морнэ, так как за ними – за Г.В. и В.И. – следит французская полиция, поддерживающая более чем дружественные отношения с русской охранкой, Классон заявил: «Кто же не посещает морнэйских философов? Их так же посещают все русские, бывающие за границей, как в свое время вся Европа добивалась свидания с Вольтером – фернэйским философом. Для этого нет надобности быть к ним политически близким». Словом, Классон имел вид человека, совершенно равнодушного к проискам царской полиции.

<...> Классон вскоре вторично приехал в Морнэ и был свидетелем большой радости Г.В., В.И. и всей нашей семьи. Помню, это было 3 мая 1892 года. По просьбе швейцарской социалистической партии, Г.В. обратился к Гэду с приглашением приехать в Женеву на празднование первого мая и произнести речь перед местными рабочими.*

Задержанный в Париже 1 мая Гэд не мог поспеть к этому дню, но приехал третьего. Плеханов, встретив его утром на вокзале, привез в Морнэ, где он с нами провел весь день. Семья наша была в полном сборе. Приехали также наши друзья: Х.Г. Раковский с женой Рябовой, А.Н. Потресов; был также и Классон.

<...> Вечером мы всей компанией отправились пешком к подножию малого Салева, чтобы взять трамвай до ближайшего городка Анемасса, а оттуда в Женеву в вагоне, который мы заняли почти целиком. В пути продолжался шумный говор, остроты, шутки; Плеханов и Гэд были молоды, интересны.

*Наши молодые друзья были в восторге**. Они с Плехановым проводили Гэда в Palais Electoral, где перед многочисленной аудиторией, состоявшей из рабочих, интеллигенции и пасторов города Женевы, он произнес одну из наиболее замечательных своих речей: Гэд говорил, между прочим, о страданиях детей пролетариев.*

Здесь стоит затронуть такую зыбкую тему, как резкая реакция «освободенцев» на показания Р.Э. Классона и Я.П. Коробко в жандармском управлении. Р.М. Плеханова комментировала их весьма пристрастно:

И Классон был слушателем Гэда, был свидетелем глубоких переживаний Веры Ивановны, Плеханова и других. Но это, очевидно, не тронуло его души. Будь это иначе, он, вернувшись на несчастную свою родину, не забыл бы того дня и, в особенности, вечера и не унился бы до клеветы и лжи, даже перед жандармами.

Излишне, полагаю, прибавлять, что Г.В. никогда не говорил с этим господином, как он не говорил ни с кем, кроме очень близких людей, – а таких у него было немного, – о своих материальных нуждах.

Что касается П. Аксельрода, которого другой «знатный путешественник», господин Коробко, выставил перед жандармами как «практичного жида», то лицам, не знающим Павла Борисовича, советую вспомнить прекрасный рассказ талантливой польской писательницы Элизы Оржешко «Могучий Самсон». К этому чудному типу еврея-идеалиста, целиком поглощенного духовными интересами, для которого материальные блага имеют ничтожную ценность по сравнению с духовными, принадлежит и Павел Борисович: он так же похож на «практичного жида», как и герой рассказа «Могучий Самсон».

Еще острее реагировал упоминавшийся выше Л.Г. Дейч. Например, к «Показаниям «знатных путешественников»» он предпослал такое редакционное примечание:

Из нижеследующего читатели увидят, как возмутительно вели себя на допросах некоторые представители молодых социал-демократов начала [18]90-х гг., приезжавшие за границу для завязывания сношений с группой «Освобождение Труда».

Студент Классон в свое время играл некоторую роль среди петербургских социал-демократов; Я.П. Коробко, так же ездивший вместе с ним за границу, был мало известен.

* Базиль Гэд (1845-1922), один из основателей Французской рабочей партии, марксист-догматик.

** Как мы уже отмечали, Р.Э. Классона сопровождал Я.П. Коробко.

И дал такое предисловие (с уже выходящей за рамки приличия характеристикой наших персонажей) к протоколу допроса революционера Н.И. Кулябко-Корецкого от 22 ноября 1895 г.):

Полагаем, небезынтересно привести документ, извлеченный из бывшего архива Департамента государственной полиции, касающийся знакомства Николая Ивановича Кулябко-Корецкого с членами группы «Освобождение Труда»: из него очевидно, что он не побоялся перед жандармами признать свое знакомство с эмигрантами и не наделил их разными неблагоприятными качествами, как это из трусости сделали, например, «знатные вояжеры» – Классон и Коробко.

А в некрологе, посвященном Н.И. Кулябко-Корецкому (умер 21 ноября 1924 г.), Л.Г. Дейч опускается уже до грубой брани (что, впрочем, было характерно для большинства «товарищей»):

Даже, как мы знаем, поплатившись за свое пожертвование [в 1 тыс. руб.] долгим тюремным заключением, особенно тяжелым для него как лишенного зрения, а затем продолжительной ссылкой, честный, благородный Николай Иванович нисколько не проникся злобой к виновнице этого – к Вере Ивановне Засулич и не уподобился «прекрасным» молодым последователям, вроде Классона и Коробка, которые не только отреклись перед жандармами от какой-либо солидарности со своими «великими учителями», но по их адресу еще отпускали разные гнусные словечки.

На подобные обвинения вполне достойно ответила С.Н. Мотовилова в своем письме И.Р. Классону:

До чего глупы и бестактны ее [(Р.М. Плехановой)] статьи! Ведь ясно же, что вовсе не как турист, «знатный иностранец» приехал Классон к Плеханову, а как человек, прекрасно знающий марксизм и все труды Плеханова. В те годы Струве и Классон считались лучшими марксистами в России. Возможно потому, что и тот, и другой хорошо знали немецкий язык и могли в оригинале знакомиться с трудами Маркса и Энгельса. Приехал, чтоб обсудить некоторые теоретические вопросы марксизма и с рекомендацией таких знатоков марксизма как Струве и Потресов.

Потресов был большим другом Ленина, они вели очень большую переписку, когда оба отбывали ссылку. Странно, что Плеханова не упрекнула Классона за то, что он не сообщил жандармам еще фамилий Струве и Потресова, уж если правду говорить, говори всю! Вообще, разве можно ставить в упрек, то, что человек говорит жандармам?!

<...> Вообще, зачем подрезать себе крылья, когда можно обдурить жандармов, что пошел «посмотреть» на Плеханова: так, как ходят смотреть на Эйфелеву башню – диковинку. Не раз в дальнейшем Классон оказывал услуги партии во время своей службы в Баку. Эх, надо бы подобрать письма Ленина ему. Но знаете, чем меня позабавила Плеханова. Классон, по ее мнению, понравился Плеханову и Засулич «своей свободной, слегка светской манерой держать себя». Такую глупость могла сказать только такая мещанственная особа как Роза Марковна. Ведь ясно же – понравился он им своим глубоким пониманием вопросов марксизма, своей фантастической образованностью.

Ну, еще Плехановой так сяк могла понравиться «слегка светская манера» Классона, но Засулич! Особе с юбкой, надетой задом наперед (как ее описывает Плеханова), человеку не от мира сего, и вот будто бы чем-то он ее пленил, «светской манерой держать себя»! На самом деле, они рады были видеть человека, так хорошо знающего учение, которому они были преданы всю свою жизнь, так хорошо понимающего их.

Но самое курьезное (я ведь не знаю, каким был Классон последние годы, когда он обитал в высшем буржуазном обществе), на меня он произвел такое же впечатление как Базаров, а Базарова я терпеть не могла, и меня Классон коробил. Даже врач-акушер ему заметил, что его выражения слишком «Studentenschaft» [«из студенческой среды»)]. Мама, смеясь, говорила, что таким же Классон остался до старости.

Видите ли, общества, в котором я жила, и – Роза Марковна, были, вероятно, совершенно различны, я не знаю, из какого она сама [еврейского] местечка.

Но очевидно было что-то в Классоне, что возбуждало в его собеседниках, часто совершенно различных, чувство бодрости, радости. Я описывала Вам, как он увлек [губернантку в семье Брюсовых] Павловскую, и она могла только повторять «чудный Классон», как оживлялась и делалась кокетлива при нем Надежда Кронидовна Мотовилова, как оживлялась при нем мамина институтская подруга Катя Каптонщикова, жена купца-миллионера. Люди самых разных кругов, слоев общества, характеров, как-то зажигались в присутствии Классона (только не я). Для меня он был «социал-демократ», а социал-демократов [теоретиков] я не терпела.

<...> Но вот, как оживилась Засулич в присутствии Классона, Плеханова прекрасно описывает. <...> А вот как реагировал на Классона Плеханов: «Георгий Валентинович отдавался своей натуре: он блистал знаниями, остроумием и свойственной ему ясностью мысли. Это настроение проявлялось у него далеко не при всяком посетителе». Ведь это же понятно: Классон был настоящим ценителем, который все поймет и оценит (ф. 9508 РГАЭ).

Чем же закончилось для увлекшихся марксизмом и «революционерами» дело по грозному обвинению их в «государственном преступлении»? Приведем по этому случаю полицейскую «Ведомость», составленную в октябре 1894-го:

Фамилия, имя и звание	[Прежняя] мера пресечения	Предлож. Прокур. Палаты
Клобуков Лев Петров, дворянин, Технолог, 28 лет	Под особый надзор полиции (содержался под стражей с 19 Августа по 18 Ноября 1893 г.)	Тюрьма на 6 месяцев и негласный надзор на срок по усмотрению МВД
Серебровский Сергей Митрофанов, дворянин, классный художник, 30 лет	Обязан подпиской о неотлучке из места жительства	Арест при тюрьме на 2 недели
Классон Роберт Эдуардов, инженер-технолог, 26 лет	Под особым надзором полиции	Прекратить с учреждением негласного надзора полиции по распоряжению МВД
Классон Софья Ивановна, дворянка, жена инженер-технолога, 30 лет	Под особым надзором полиции	Прекратить
Коробко Яков Петров, дворянин, технолог, 30 лет	Под особым надзором полиции	Прекратить с учреждением негласного надзора полиции по распоряжению МВД
Витмер Ольга Константиновна (урожд. Григорьева) дочь чиновника, жена кандидата университета, 26 лет	Под особым надзором полиции	Прекратить

В документе за март 1895 года была изложена следующая диспозиция по Р.Э. Классону и его товарищу:

Произведенное при С.Петербургском Губернском Жандармском Управлении дознание по обвинению Инженер-технолога Роберта Эдуардова Классона и технолога дворянина Якова Петрова Коробко в государственном преступлении, по соглашению Господ Министров Внутренних Дел и Юстиции, дальнейшим производством прекращено с учреждением за ними негласного надзора полиции по распоряжению Министерства Внутренних Дел.

Прийти к такому итогу власти подвигла, по-видимому, и такая справка Особого отдела Департамента полиции:

Не отрицая своего знакомства с эмигрантами Плехановым, Верой Засулич и Аксельродом, Классон показал, что встреча его с названными лицами произошла во время путешествия его в Швейцарии, носила случайный характер и не обуславливалась никакими противоправительственными побуждениями.

<...> Расследованием не было добыто, однако, данных, указывающих на то, чтобы сношения Классона с Плехановым, Засулич и Аксельродом обуславливались целями противоправительственной пропаганды, что посещение им эмигрантов было вызвано любопытством – являются не опровергнутыми, ввиду отсутствия указаний на активное участие Классона в деле преступной пропаганды.

Однако в 1894-95 годах Р.Э. Классон входил в группу так называемых легальных литераторов-марксистов, совместно с которой кружок революционных марксистов во главе с В.И. Ульяновым-Лениным издал ряд книг. Здесь были: Бельтов (псевдоним Г.В. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»; сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», конфискованный цензурой (включая статью П.Б. Струве, критику В.И. Ульяновым-Лениным труда П.Б. Струве, переведенную Р.Э. Классоном с немецкого рецензию Эдуарда Бернштейна «Третий том «Капитала» [Карла Маркса]).

В уже упоминавшемся анкетном листе (был заполнен в 1925-м) Роберт Эдуардович отмечал:

Когда я вернулся [из-за границы], то большинство моих товарищей по кружкам оказалось в тюрьмах или высланными. Участие в кружках прекратилось поэтому на некоторое время и возобновилось лишь в 1894-95 г., когда в наших кружках стали принимать активное участие В.И. Ульянов, Н.К. Крупская, А.Н. Потресов. У меня в то время, в моей маленькой квартире образовался марксистский «салон», в котором принимали участие вышеупомянутые лица и где обсуждались все вопросы современности с точки зрения материалистического мировоззрения.

Этот «салон» существовал около года и затем был прекращен благодаря аресту значительной части участников, главным образом В.И. Ульянова. Все мои политические связи с того времени были порваны, и я занялся технической работой на Охтенских пороховых заводах, где построил первую в России передачу высокого напряжения от водяной силы р. Охты.

Ни к какой партии я впоследствии [(после 1895 г.)] не примкнул и занимался почти исключительно техникой вплоть до революции 1904-05 г., которая меня увлекла, так же как и моих сотрудников, но после 1906 г., в силу стечения целого ряда неблагоприятных впечатлений, я перестал интересоваться политической работой и с тех пор совершенно политикой не занимаюсь и потому ни в каких общественных организациях, профсоюзах, клубах и кооперативах не участвовал.

Во время студенчества неоднократно подвергался всякого рода арестам, хотя и кратковременным, долгое время находился под надзором полиции, который постепенно, по-видимому, ослабел, когда я перестал активно интересоваться политической жизнью. Участие мое в политике проявлялось лишь в том, что я, как директор крупнейших электрических предприятий, имел возможность давать приют целому ряду гонимых политических деятелей, что и проявилось, в конце концов, в том, что очень значительная часть современных деятелей вышла из О-ва 1886 г., Электропередачи и двух Бакинских станций. Все они дали значительный контингент революционных деятелей, так как я считал своей обязанностью каждому гонимому по мере сил давать приют и возможность работать.

Встречи революционных марксистов с легальными начались с первого посещения В.И. Ульяновым-Лениным квартиры Р.Э. Классона на Охте в конце февраля 1894-го. Об этом Н.К. Крупская рассказывала довольно живописно:

Увидала я Владимира Ильича лишь на масленице . На Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я года два перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином. Для ради конспирации были устроены блины. На этом свидании, кроме В.И., были Классон, Коробко, Серебровский, Ст. Ив. Радченко и другие, должны были прийти Потресов и Струве, но, кажется, не пришли.*

*Мне запомнился один момент. Речь шла о путях, какими надо идти. Общего языка как-то не находилось. Кто-то сказал – кажется, Шевлягин** – «что очень важна вот работа в комитете грамотности». В.И. засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех – я потом никогда не слыхала у него такого смеха: «ну, что ж, кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем».*

Я сидела в соседней комнате с Коробко и слушала разговор через открытую дверь. Подошел Классон и взволнованный, пощипывая бороду, сказал: «Ведь это чорт знает, что он говорит». «Что же, – ответил Коробко, – он прав, какие мы революционеры?» (Воспоминания. М., 1925).

Еще более живописную деталь привела С.Н. Мотовилова: «одно время Софья Ивановна оказалась в больнице, а на хозяйстве ее заменяла [сестра] Мария Ивановна. Неизвестно почему, но Мария Ивановна спрятала все серебро, а когда к Классону приходили гости, подавала им деревянные ложки, и Роберту Эдуардовичу это было очень неприятно».

Заметим от себя: и правильно поступала Мария Ивановна, мало ли какие революционеры забредали в квартиру, могли и серебряную сервировку случайно прибрать.

В 1925-м альманах «Красная летопись» опубликовал письмо Р.Э. Классона в Институт Ленина при ЦК РКП (б), написанное им, по-видимому, по запросу сотрудников последнего учреждения. Их интересовал период революционной деятельности В.И. Ульянова-Ленина в Петербурге в 1894-1895 годах.

В этом письме Роберт Эдуардович попутно описал и свой «марксистский маршрут»:

Предпосылаю несколько слов для пояснения, каким образом образовался тот марксистский «салон», в котором бывал Владимир Ильич Ульянов в 1894-1895 гг. За три-четыре года до этого при технологическом институте в Петербурге образовался первый, насколько мне известно было, марксистский кружок, в котором, кроме меня и архитектора Серебровского, участвовали студенты-технологи Коробко, Клобуков, Корсак и другие и несколько курсисток. Кружок ставил себе целью основательное изучение Карла Маркса и затратил на это несколько лет работы.

* В.И. Ульянов-Ленин приехал в Петербург в конце лета 1893-го.

** По-видимому, это инженер-технолог Николай Иасонович Шевлягин (1867-?).

Вот в такую компанию подпольщиков чуть было не попал Р.Э. Классон из-за увлечения марксизмом (Александр Моравов. В.И. Ленин руководит марксистским кружком в Петербурге. 1893-1895)

Изучение было поставлено очень серьезно и, в частности, С.М. Серебровским был составлен вопросник, содержащий около 200 вопросов, на которые должен был ответить каждый прочитавший Карла Маркса. Так же как и теперь, Карла Маркса почитали, но мало читали, и потому в большинстве случаев на эти вопросы ответов не получалось, и кандидат должен был начинать чтение сначала.

В то время в Петербурге существовал целый ряд кружков, из которых некоторые занимались вопросами политической экономии – наиболее распространенные кружки, другие – изучением первобытной культуры, Спенсера, П. Лаврова и других писателей. В 1891 году я уехал в Германию и два года изучал там марксистскую литературу, работая в то же время по технике.

В 1893 году я возобновил свои старые связи, и в 1894 году у меня в Петербурге, на Большой Охте, где я жил тогда, возник марксистский «салон», в котором принимали участие, кроме Владимира Ильича, еще А.Н. Потресов, Я.П. Коробко, П.Б. Струве, М. Туган-Барановский, С.М. Серебровский и другие. Из женщин в нем участвовали моя покойная жена, затем Надежда Константиновна Крупская и Ольга Константиновна Григорьева.

Я не могу теперь после тридцати лет точно вспомнить, сколько раз бывал в этом кружке Владимир Ильич, но ярко помню, что в его присутствии происходили наиболее интересные диспуты на тему, тогда всех очень волновавшую, – о судьбах русского капитализма. В частности, П. Струве и М. Туган-Барановский были исключительно литераторами, совершенно не знавшими рабочего класса. И я помню, что я их впервые свез на Путиловский завод, чтобы они воочию увидели капиталистическое предприятие в большом масштабе. Инженеры, в то время участвовавшие в кружке, конечно, близко соприкасались с рабочим классом.

Некоторые из нас несколько лет перед этим вели занятия с отдельными наиболее выдающимися рабочими и разъясняли им, главным образом, учение Ф. Лассалья, т.к. К. Маркс считался слишком трудным. Больших принципиальных расхождений в то время между участниками марксистского кружка, насколько я помню, не было, они только намечались. И собеседования, в общем, протекали в дружелюбной атмосфере, несмотря на чрезвычайно пылкие споры, обычные для романтического периода марксизма. <...> Эти собрания продолжались несколько месяцев и прекратились, кажется, в 1895 году, вследствие ареста некоторых участников собраний.

Диспуты велись преимущественно на почве применения теории Карла Маркса к объяснению русской действительности. Неизбежность развития капитализма в России в то время уже почти никем не оспаривалась. Но тогда уже ставился вопрос о том, должна ли Россия пройти все те стадии, которые прошел западноевропейский капитализм, и только после этого превратиться в свою противоположность – в социализм, или же Россия может миновать некоторые наиболее болезненные фазисы развития.

Таким образом, можно предположить, что после 1895-го «знаток марксизма» Р.Э. Классон постепенно отходил от одного марксизма и стал целиком отдаваться инженерной деятельности, которая и сделала его «персоной №1» в электротехнике (энергетике).

Мы здесь остановимся еще на таком важном моменте, как издание участниками марксистского «салона» знаменитого сборника «Материалов к характеристике нашего хозяйственного развития» (С.-Петербург, 1895). При большевиках он широко пропагандировался потому, что в него дал свой первый материал – «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В.И. Ульянов-Ленин (под псевдонимом «К. Тулин»). А Роберт Эдуардович специально перевел для этого сборника статью немецкого социал-демократа Эдуарда Бернштейна «III том «Капитала». Правда в опубликованном виде не приводилось фамилии ни автора (а просто указывалось – «с немецкого»), ни переводчика.

Тогда последнее обстоятельство, по-видимому, совершенно не заботило участников «литературного труда», поскольку они прекрасно знали и друг друга, и зарубежных коллег, социал-демократов. Кроме того, не надо забывать, что Р.Э. Классон занимал должность на казенном предприятии – Охтенских пороховых заводах и потому не мог поставить свою фамилию под переводом, не вызвав резкого неудовольствия начальства.

Ну а сейчас некоторые неопытные исследователи могут и растеряться – чье это произведение, «III том «Капитала», и кто перевел его на русский? Поэтому сошлемся на несколько язвительные слова из письма А.Н. Потресова, опубликованного в том же №2 «Красной летописи»:

Классон был более зрителем и вскоре совсем выбыл из сферы общественно-политической жизни. В сборнике он дал перевод статьи Бернштейна о 3-м томе «Капитала» (это, кажется, его единственное литературное произведение).

Правда, сам Александр Николаевич Потресов дал в тот же сборник исследование по поводу «чего-то там в носу» – «Кризис в замочном промысле Павловского района Нижегородской области». Однако сейчас приходится признать упрек А.Н. Потресова в определенной степени справедливым и вот в связи с чем. Сам Александр Николаевич подготовил статью на конкретную микроэкономическую тему «реального капитализма», а Роберт Эдуардович нет.

Хотя вокруг буквально под ногами валялся благодатный материал: например, возможные меры властей по пресечению монополизма и даже ценового сговора мясников и возчиков на Охте во время весенней и осенней распутицы или же организация цивилизованной борьбы питерского пролетариата за улучшение условий труда (прежде всего, сокращение продолжительности рабочего дня, доходившего до 12-14 часов) и так далее и тому подобное.

В то же время Р.Э. Классон подготовил объемистый перевод (заметим, «без отрыва от производства»!) популярной статьи, комментирующей один из важнейших разделов экономической теории Карла Маркса – про капитал и капиталистов, прибыль и рентабельность, конкуренцию и эксплуатацию, производительность труда и тому подобные весьма актуальные понятия.

И Роберт Эдуардович иногда не мог отказать себе в удовольствии дать «примечание от себя». Так, переведя следующий пассаж: *“По поводу общественной экономии Маркс делает замечание о мелком земледелии, особенно интересное ввиду того, что именно теперь всякого рода социальные реформаторы провозглашают интенсифицированное мелкое земледелие социальной панацеей.*

<...> И он продолжает: «Конечно, и в мелком земледелии, приближающемся по типу к огородничеству, как, например, в Ломбардии, в южном Китае и в Японии, экономия может быть доведена до значительной степени. Но в общем при этой системе производительность земледелия покупается только ценой огромной напрасной траты рабочей силы человека, которая тем самым отвлекается из других отраслей производства”, он сопроводил его ехидной сноской: *«К сведению гг. народников! (примечание переводчика)».*

Работая потом на капиталистических предприятиях, Р.Э. Классон мог «весомо, грубо, зримо» соотносить детально изученные им теоретические положения с практикой «хищнической эксплуатации» наемного труда. Кое-какие его реплики на эту тему будут в дальнейшем нам встречаться (в «Бакинском дневнике», в разговорах с рабочими и т.д.).

В мае 1895-го Роберт Эдуардович побывал в Лозанне у своей родственницы А.А. фон Эрн-Мотовиловой. Почему-то каких-либо документов, по пересечению границы в связи с этой поездкой (на уже находившегося под негласным надзором с марта того же года!) в материалах Департамента полиции не имеется. Биохроника В.И. Ульянова-Ленина, в части его пребывания в то же время в Лозанне и визита к Мотовиловым, ссылается на воспоминания С.Н. Мотовиловой, опубликованные в 1963-м в «Новом мире».

Позволим предположить, что заграничная поездка Р.Э. Классона была вызвана единственно необходимостью свести будущего «вождя мирового пролетариата» с Г.В. Плехановым (жившим, как мы уже знаем, в Морнэ под Женевой) – как раз через Алину Антонову, периодически контактировавшую с Георгием Валентиновичем.

Установленный за Р.Э. Классоном негласный надзор иногда давал поводы Департаменту полиции интересоваться им. Летом 1896-го было заведено очередное полицейское расследование, на сей раз по поводу бурной деятельности С.-Петербургского революционного кружка «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Из письма Директора Департамента полиции С.Э. Зволянскому Начальнику С.-Петербургского жандармского управления становится известно, что *«несмотря на произведенные в текущем году обыски и аресты лиц, занимавшихся преступною агитациею в рабочей среде, таковая непрерывно продолжалась, причем в Июле появились в обращении новые воззвания: «К рабочим фабрики Паля» (от 19 Июля), «К рабочим Варшавских железнодорожных мастерских» (от 25 Июля).*

Наконец, 6 Августа появилось новое воззвание от имени «Союза борьбы за освобождение рабочих», изданное по поводу Правительственного сообщения о происходящих в С.Петербурге забастовках и мерах, принятых Правительством. Наблюдением удалось установить целый ряд лиц, как из интеллигентного класса, так и рабочих, которые за последнее время деятельно занимались преступною агитациею».

Последовавшие затем обыски позволили обнаружить у «ряда лиц из интеллигентного класса» массу преступных улик.

В частности, «у Помощника Присяжного Поверенного Константина Бауэра и студента Технологического Института Мовши Лурье. Так у Бауэра, в конторе присяжного поверенного Рабиновича, у которого первый был помощником, обнаружены, между прочим, гектограф и копировальный пресс, масса революционных изданий и в том числе возвания [к рабочим] последнего времени, а также письмо за подписью «фон-Танкин»* конспиративного содержания, видимо писанное Мовшем Лурье.

<...> По результатам обысков и имевшимся сведениям арестовано 33 чел., которые и заключены под стражу в С.Петербургский Дом Предварительного Заключения».

Среди заключенных под стражу оказалась и Н.К. Крупская, которая еще со времен учебы Р.Э. Классона в Технологическом институте имела с ним регулярные контакты. Но на ее допросе 2 сентября эта тема не затрагивалась, по-видимому, жандармам было попросту не до того. Ведь им необходимо было незамедлительно расследовать преступную агитацию «интеллигентного класса» в рабочей среде и установить лиц, причастных к ней. В то же время вскоре представился повод опять взять Р.Э. Классона «в оперативную разработку».

Из секретного донесения от 17 августа С.Э. Зволянскому:

После обысков, произведенных в ночь на 12-е сего Августа в квартире [арестованного по результатам этих обысков] присяжного поверенного Бауэра, было установлено наблюдение. 14-го Августа в квартиру явился известный Вашему Превосходительству инженер-технолог Роберт Классон. Вследствие сего Классон был подвергнут обыску как лично, так и по месту жительства (дом №26 по Панфиловой улице Охтенского [полицейского] участка). Так как обыски эти были безрезультатны, то помянутое лицо оставлено на свободе.

В этом письме, к сожалению, не сообщалось, как Р.Э. Классон объяснил обстоятельства своего визита к знакомому помощнику присяжного поверенного, уже арестованному. Но, скорее всего, он не растерялся и свел все к сугубо бытовой стороне, например: «пришел занять денег, или – принес старый долг».

При допросе Константина Бауэра 17 августа его очевидное знакомство с Робертом Классоном затронуто не было, и последний и далее оставался на свободе, хотя и под негласным надзором полиции. И это можно определить сейчас как некое «чудо». Ведь все упомянутые лица (и многие другие, с которыми он общался) состояли под негласным или даже особым надзором полиции, арестовывались и ссылались.

Поясним заодно, что сначала Роберт Эдуардович, приехав из Франкфурта, снял временную квартиру в центре Петербурга:

<...> Отделение по охранению общественной безопасности в С.Петербурге имеет честь сообщить 3-му Делопроизводству адреса следующих лиц:

– Инженер-технолог Роберт Классон проживает в доме №49 по Николаевской улице <...>. (из письма в Департамент Полиции от 6 июля 1893 года)

* Этот псевдоним придуман, скорее всего, от речки Фонтанки, впадающей в Неву.

И лишь нанявшись на Охтенские пороховые заводы устроился поближе к оним:

*Зовут меня Роберт Эдуардович Классон. От роду имею 25 лет, лютеранского вероисповедания. Звание мое Инженер-технолог, сын Коллежского Ассессора. Проживаю в С.Петербурге, Большая Охта, Панфилова ул., д. №26. (из протокола допроса Р.Э. Классона 5 ноября 1893 года)**

Кстати, от внимания Департамента полиции ускользнула такая немаловажная деталь, по которой Р.Э. Классона можно было опять взять «в оперативную разработку». В апреле 1898 года Охранное отделение агентурным путем раздобыло финансовый отчет «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с 1 апреля 1897 г. по 1 января 1898-го.

И в нем в разделе «Приход», в подразделе «1. В распоряжение Союза» имелись две весьма любопытные шифровки: «От Р.К. 28 руб. 76 коп.» и «Р.К. 24 руб.» Была такая же шифровка и в подразделе «2. Стаечный фонд», ст. а) пожертвования»: «Р.К. 10 руб. 55 коп.». Если за литерами Р.К. скрывался Роберт Классон, то он опять-таки сильно рисковал...

15 января 1897-го Департамент Полиции «уведомил Действительного Статского Советника Небол[ь]сина, на его запрос, что определение инженер-технолога Роберта Классона преподавателем по электротехнике на специальных курсах для рабочих представляется нежелательным» (ф. 102 ГАРФ).

Понятно, что таковая нежелательность вытекала из его политической неблагонадежности. Александр Григорьевич Небольсин возглавлял IX отдел (Постоянная Комиссия по техническому образованию) ИРТО и был ответственным редактором журнала «Техническое образование». Что касается «специальных курсов» для рабочих, то они были кратко описаны в очерке М. Каменецкого «Инженер Классон» («Техника – молодежи», №7, 1936):

Р.Э. Классон прекрасно понимал, что для создания новой отрасли техники – электротехники, нужны грамотные люди. В ту пору их еще не было. Роберт Эдуардович принимает деятельное участие в воспитании таких кадров. В феврале 1896 г. он входит в состав комиссии по устройству школы для рабочих-электротехников при [Императорском] Русском техническом обществе. Через несколько месяцев школа была открыта. Она должна была подготовить «простых» рабочих к исполнению обязанностей старших рабочих-электротехников. Занятия в школе были два раза в неделю вечерами и в воскресенье днем. Принимались лица от 20-летнего возраста. Преподавателями были профессора и инженеры.

А в книге «Роберт Эдуардович Классон» (Госэнергоиздат, 1963) Марк Оскарович Каменецкий продолжил эту тему:

В сентябре 1896 г. в Столярном переулке школа была открыта (она просуществовала до Октябрьской революции). В школу принимались юноши сначала с 14-ти, потом с 20 лет, обучение было платным (50 копеек в месяц); преподавали в школе профессора и инженеры, в том числе члены учредительной комиссии (Р.Э. Классон, Н.М. Корольков, М.М. Курбанов, П.А. Михайлов, Н.А. Рейхель).

Курс обучения был рассчитан на два года (по 13 учебных часов в неделю); учебный план предусматривал занятия по арифметике, геометрии, техническому черчению, общей физике и курсу электричества, лабораторные занятия по практической электротехнике, посещение электростанций. Школа стремилась «дать работающим на производствах и в учреждениях, преимущественно электротехнического характера, подготовку к исполнению обязанностей старших рабочих».

* Название Панфиловой улицы ведется с конца XVIII века от фамилии старосты участка плотничьей слободы (она некогда находилась на Большой Охте). – Из Интернета

М.О. Каменецкий ссылается при этом на «Извлечение из положения о школе рабочих-электротехников Русского технического общества, 1897», которое, к сожалению, отсутствует в РГБ (Москва)*.

И считает «научно установленным фактом» преподавание Р.Э. Классона в этом заведении. При этом он интенсивно пользовался ленинградскими архивами.

Здесь мы немного отвлечемся, а именно в сторону соединенного заседания VI отдела (электротехнического) и Постоянной Комиссии по техническому образованию ИРТО 21 февраля 1896 года. Оказывается, после доклада М.М. Курбанова «Об устройстве школ для монтеров» последовали оживленные прения, в которых поучаствовал и Р.Э. Классон, хотя он и ограничился лишь несколькими репликами. Мы процитируем только те тезисы, которые вызвали реакцию Роберта Эдуардовича:

<...> Ч.К. Скржинский. Госп. Председательствующий [(А.И. Смирнов)] говорил в самом начале, что при [электротехнических] работах наиболее всего помогают матросы-минеры, что они хорошие установщики и что они приближаются к тому, что нам нужно. Действительно, минер, или так называемый электро-осветитель, оказывает большую пользу в этом деле. Но представим, что вдруг является спешная работа, для которой нужны 60 человек, это все должны быть так называемые установщики, и это бывает обыкновенно в такое время, когда повсюду много работы. Тогда люди берутся прямо с улицы, и это практикуется не только теперь, но уже много десятков лет. Берут и отставного лакея, и кого придется.

Оказывается, что из таких рабочих наибольшую пользу в этой работе приносят плотники; они замечательно работают, как только привыкнут к этому. Он и ролик поставит, и протянет провод. Работает он однообразно: покажешь ему – и идет работа. Поэтому я свожу вопрос к тому, что нам нужно подготовить людей с наинизшим электрическим образованием. В этой массе людей находится очень много таких, которые пойдут в какие-нибудь вечерние классы для приобретения нужных познаний в этом деле, но только, конечно, чтобы они не платили за это. Лишь бы их научить, чтобы они понимали, что действительно надо хорошо сделать. А то как же усмотреть, если 60 человек работают.

* Проект «Положения о школе для рабочих-электротехников Императорского Русского технического общества» был опубликован в сентябрьском номере «Электротехнического вестника» за 1896 год:

Семнадцать лет тому назад в Императорском Русском Техническом Обществе [(ИРТО)] был поднят вопрос об устройстве школ для монтеров по электротехнике. Много было сделано и написано по этому поводу и после того неоднократно к этому вопросу возвращались, но практического осуществления эти работы не получили. Главная причина этого заключалась в широте задуманных программ, с большим ежегодным бюджетом.

Между тем, с каждым годом нужда в хороших рабочих по электротехнике растет в геометрической прогрессии.

21-го февраля 1896 г. в соединенном заседании VI отдела (электротехнического) и Постоянной Комиссии по техническому образованию ИРТО, по выслушании доклада М.М. Курбанова, собрание пришло к решению: собрать необходимые средства, чтобы начать (если возможно, в этом же году, с осени) дело в скромных размерах, открыв сперва школу не для монтеров-десятников, а для простых рабочих, могущих по окончании школы исполнять обязанности старших рабочих. Бюджет подобной школы весьма скромный, и дело легко осуществимо.

Для этой цели была в этом же заседании выбрана комиссия из пяти лиц (Н.М. Королькова, П.А. Михайлова, Н.А. Рейхеля, Р.Э. Классона и М.М. Курбанова) для обсуждения и выработки представленного М.М. Курбановым положения о школе и для сбора необходимого для школы капитала. 15 марта 1896 г. в заседании непременных членов Постоянной Комиссии по техническому образованию, совместно с вышесказанною Комиссией [из] пяти лиц, нижеприводимый проект Положения о школе рабочих-электротехников получил ту редакцию, в которой это Положение будет представлено на утверждение учебного начальства. <...> Школа открывается 1 октября 1896 г.

Р.Э. Классон. Десятники нужны.

Ч.К. Скржинский. И десятник не в состоянии один усмотреть.

Р.Э. Классон. Усмотрит.

Ч.К. Скржинский. Поэтому я сказал бы, что первое и самое легкое, что нужно сделать, это дать таким людям наинизшее электротехническое образование, которое им необходимо, дать им способы установки, а сегодня у них нет этих способов. Нужно, чтобы установщик, который хотел бы знать эти способы, получил бы это знание. Из 60 человек вы всегда можете выбрать 10, которые желали бы это знать. Этим черно-рабочих вы всегда отыщете.

Председатель [(поддерживая реплику Р.Э. Классона)]. Надо дать десятников.

<...> Председатель [А.И. Смирнов]. Я должен сказать, что вечерние классы потому нельзя устраивать, что все служащие по электрическому освещению вечером на работе.

Р.Э. Классон. Обыкновенно на станции рабочий остается один вечер, а в другой он свободен.

Г.В. Тизенгаузен. На первое время лучше назначить воскресенье.

<...> А.М. Имшенецкий. От монтеров, кроме знаний и умения, требуется еще и распорядительность, и сообразительность. Но такими свойствами может обладать не всякий обучающийся в школе, может быть, из десяти только один. Поэтому, чтобы выбрать людей, годных в монтеры, т.е. умеющих распорядиться несколькими людьми, нужно пропустить через школу как можно больше людей. Распорядительности и сообразительности школа не даст. Эти качества должны быть врожденными; умения тоже не получишь в школе, потому что оно приобретает годами.

Значит, школа дает только знание, и в нее должны поступать лица, обладающие умением. Такой контингент дадут рабочие, знакомые с делом. Кто сознает, что можно заработать больше, чем он зарабатывал до сих пор, и кто имеет охоту, тот пойдет в эту школу и, если к тому же он обладает вышеуказанными личными качествами, то из него может выработаться хороший монтер. Поэтому я предложил бы принимать в эту школу без всяких экзаменов всякого желающего, а на службе инженер увидит, может ли он быть монтером или нет. Тому, кто к этому пригоден, школа принесет пользу, а кому не принесет – что делать!

Р.Э. Классон. Человек без энергии и сам туда не пойдет.

Председатель. Я думаю, не нужно экзаменов, а просто представлять свидетельства начальных школ.

А.М. Имшенецкий. Если у него нет аттестата, а знание есть, то неужели закрыть ему доступ?

Н.М. Корольков. Нужно испытание на грамотность.

А.М. Имшенецкий. Но ни алгебры, ни арифметики не нужно. У меня есть монтер, который едва пишет и, конечно, никакого аттестата не имеет, но он человек очень способный, и неужели отнимать у него возможность посещать эту школу?

Председатель. Тогда можно так сказать, что принимать или с аттестатом или, у кого нет аттестата, то по экзамену в грамотности.

Н.М. Корольков. Как сама школа найдет, смотря по обстоятельствам.

Р.Э. Классон. Я ограничусь только несколькими словами, что если действительно будут устроены вечерние классы, то можно гарантировать полный комплект учеников в первый же день. Я знаю, например, что большая часть моих учеников [значит, Роберт Эдуардович уже где-то преподавал, в существовавших к этому времени школах ИРТО? – МК] с удовольствием пойдет на вечерние классы.

Председатель. Если они будут близко от того места, где они живут.

Н.М. Корольков. Ученик не в состоянии будет пройти на вечерние курсы, которые от него далеко, туда и назад [домой].

Председатель. Нельзя ли устроить их при школах Технического Общества, может быть, в самых скромных размерах, в самом ограниченно числе?

Н.М. Корольков. Я еще хотел сказать, что самое удобное – это, как в школе десятников, целый день, но это невозможно; другая школа, где можно тоже надеяться на хороший результат, это школа печатного дела, два раза в неделю – по полдня.

Сколько у вас учебных часов [в специальных воскресных школах для рабочих частных предприятий]?

П.А. Михайлов. 14 часов [в неделю].

Р.Э. Классон. Казенные учреждения не отпустят рабочих.

Докладчик [М.М. Курбанов]. Казенные типографии отпускают.

Н.М. Корольков. Самое большое число – из типографии Св. Синода.

П.А. Михайлов. Из частных – из типографии Евдокимова, 14 человек.

Н.М. Корольков. Это весьма существенный вопрос. Если будут освобождать 2 раза [в неделю] по полдня, тогда гарантия успеха увеличится. Вечерние курсы имеют большие неудобства, а утренние – гораздо лучше.

Приложение к журналу «Электричество» №9-10 за 1897 год, вышедшему в мае

Далее следовало такое решение соединенного заседания VI отдела (электротехнического) и Постоянной Комиссии по техническому образованию ИРТО 21 февраля 1896 года:

1) Вполне присоединяясь к докладу М.М. Курбанова, Собрание постановило поручить Комиссии из нижеследующих членов представить подробные отчет положения как об электротехнической школе, так и о мерах необходимых для приведения всего этого в исполнение в наискорейшем времени.

Избраны в Комиссию: П.А. Михайлов, Н.М. Корольков, М.М. Курбанов, Н.А. Рейхель и Р.Э. Классон.

2) Что же касается вопроса о средней электротехнической школе, то обсуждению этого вопроса посвятить отдельное заседание VI и IX Отделов.

Итак, из первых фрагментов прений следует, что Роберт Эдуардович уже хорошо разбирался в масштабных монтажных делах, реализовав электрификацию Охтенских пороховых заводов, а Чеслав Киприанович Скржинский, который заведовал электрической станцией инженера Н.В. Смирнова на Васильевском острове, не очень.

Автор сих очерков попробовал по имеющимся в РГБ изданиям ИРТО установить некоторые подробности функционирования «школы для монтеров» (т.е. начальной ступени). И вот какую информацию удалось почерпнуть в «Отчете о школах И.Р.Т.О. за 1896-1897 уч. год»:

Школа электротехников открыта для работающих в электротехнических мастерских и заводах с целью приготовить знающих свое дело старших рабочих по наиболее употребительным отраслям применения электричества. Из 47 человек, записавшихся и до известной степени удовлетворявших условиям приема на открывшийся 1-го октября 1896 года первый курс, до конца учебного года [– 1 июня] доходило до 30 человек, из которых 28 успешно выдержали проверочный экзамен для перехода во второй класс.

Занятия в первом классе распределялись по следующему плану

1) Арифметика и геометрия	4 часа в неделю
2) Электричество и общая физика	5 часов в неделю
3) Электротехника	2 часа в неделю
4) Техническое черчение	2 часа в неделю
Всего	13 часов в неделю

Кроме того, ученики шесть раз были на практических занятиях на электрической станции. Возраст учеников был разнообразен: от 17 до 38 лет; но большинство, а именно $\frac{3}{4}$ всех учащихся, было в возрасте от 22 до 30 лет. Средний возраст – 26 лет.

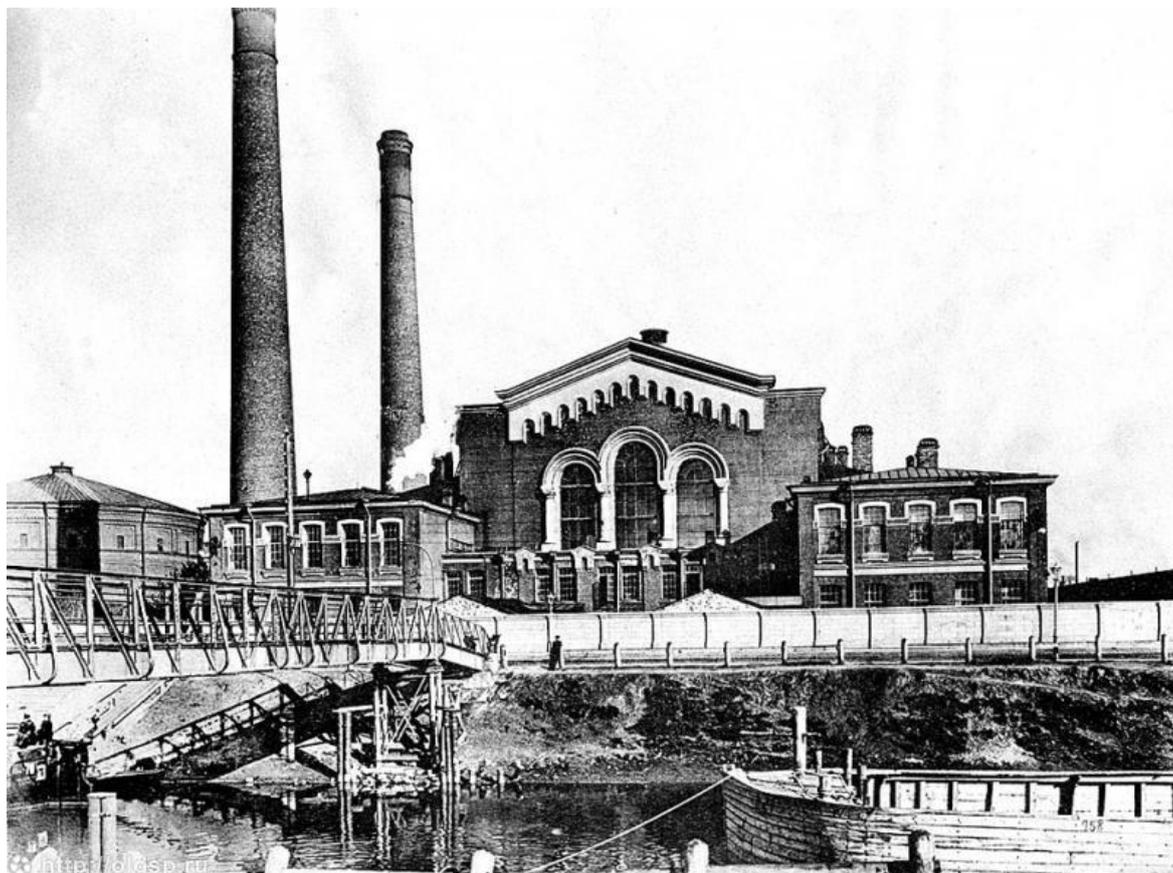
Кстати, Михаил Михайлович Курбанов, инженер-механик, заведующий электрической станцией Аничковского дворца в Петербурге, выступил на I Всесоюзном электротехническом съезде (конец декабря 1899-го – начало января 1900 года) с докладом «О Школе рабочих-электротехников, существующей при Императорском Русском Техническом Обществе». В нем он упомянул, что сия школа начала свои действия 1 октября 1896 года, после того как удалось собрать «необходимую, хотя и малую сумму (1 500 руб.), а положение [о школе] и [учебные] программы получили утверждение [Министерства внутренних дел]».*

Итак, Р.Э. Классон мог бы преподавать в школе рабочих-электротехников лишь в 1896-97 учебном году, поскольку, как мы увидим далее, в августе 1897-го он был переведен в Москву. Но его не допустил к «опасному контакту» с рабочим классом Департамент полиции, по крайней мере, с января 1897-го. Так что эта, педагогическая стезя была одной из немногих в тех разнообразных творческих направлениях деятельности, которую так и не удалось, похоже, полноценно реализовать (по крайней мере, при царизме) весьма даровитому Роберту Эдуардовичу...

И еще один штрих, характеризующий его. С.Н. Мотовилова вспоминала: «Обычно за своих друзей экзамены по языкам сдавал Роберт Эдуардович и даже, когда уже окончил институт, он надевал куртку технолога и ходил сдавать за друзей». По-видимому, последнее случалось уже после возвращения четы Классонов из Франкфурта в Петербург.

В феврале 1897 г. по казенным Охтенским пороховым заводам был издан приказ об увольнении состоявшего на службе по вольному найму инженер-технолога Р.Э. Классона, согласно его рапорту. Сослуживцы преподнесли ему настольный блокнот с серебряной крышечкой, на лицевой ее стороне было выгравировано посвящение, а на оборотной – подписи бывших коллег. Сейчас этот раритет хранится в Музее современной истории и был доступен для обозрения, например, в конце 2010-го – начале 2011-го на выставке, посвященной 90-летию со дня принятия плана ГОЭЛРО.

* С докладом М.М. Курбанова «О Школе рабочих-электротехников, существующей при Императорском Русском Техническом Обществе», прочитанном 29 декабря 1899 г., можно ознакомиться на ресурсе (www.booksite.ru/elektr/1900/1900_14.pdf).

*Электростанция на Обводном канале
(здесь Р.Э Классон поработать не успел, будучи переведен в Москву)*

С февраля до августа 1897-го, поступив уже в частное, акционерное «Общество электрического освещения», Р.Э. Классон работал над проектированием новой электростанции (с трехфазным током!) на Обводном канале, а затем его перевели в Москву. Об обстоятельствах такого «пассажа» со стороны Роберта Эдуардовича (увольнения с казенного и перехода в частное предприятие) мы расскажем в следующем очерке.